

1951.

Принято 1964.

**СУДЕБНАЯ
ПРАКТИКА
ВЕРХОВНОГО СУДА
СССР**

СПбГУ

2

1 9 5 1

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1951

№ 2

Февраль

РУКОВОДЯЩЕЕ УКАЗАНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 7 АПРЕЛЯ 1948 Г. «ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗГОТОВЛЕНИЕ И ПРОДАЖУ САМОГОНА»

Постановление Пленума Верховного суда СССР
от 5 января 1951 г. № 1111у

Президиум Верховного Совета СССР Указом от 7 апреля 1948 г. «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона» повысил наказание за изготовление самогона и особенно за изготовление с целью сбыта. Все это обязывает суды вести решительную борьбу с указанным преступлением, причиняющим значительный ущерб народному хозяйству нашей страны. Между тем анализ судебной практики по делам этой категории показывает, что в ряде случаев суды допускают серьезные ошибки, свидетельствующие о недооценке политического значения борьбы с самогонованием.

Эти ошибки выражаются в неправильной квалификации преступления и применении без достаточных оснований мягких мер наказания. Из числа дел этой категории, проверенных Верховным судом СССР, 80% всех осужденных были осуждены

по ст. 2 Указа от 7 апреля 1948 г., тогда как по значительному числу дел имелись основания для применения ст. 1 этого Указа.

Например, у Шагиль при обыске были обнаружены: самогонный аппарат, два литра самогона и четыре бочки закваски. Несмотря на то, что само количество обнаруженного сырья достаточно убедительно свидетельствовало о цели самогонования, т. е. об изготовлении самогона для сбыта, народный суд 2-го участка Вильнюсского района Литовской ССР приговорил Шагиль по ст. 2 Указа к одному году лишения свободы.

Из этих же дел видно, что к 20% осужденных применено наказание ниже низшего предела, установленного Указом, либо условное осуждение, причём смягчение наказания в большинстве случаев применялось без достаточных оснований.

Народным судом Чиатурского

108812/2 Тр. пр.

района Грузинской ССР был осужден по ст. 1 Указа Бригвадзе, у которого при следовании в поезде было обнаружено 40 литров самогона. Из имеющихся в деле справок сельского совета, выданных в разное время, видно, что Бригвадзе возил для продажи на рынок изготовленный им самогон неоднократно. Народный суд приговорил Бригвадзе по ст. 1 Указа к 6 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях и, неосновательно применив ст. 48 УК Грузинской ССР, заменил ему это наказание одним годом исправительно-трудовых работ, сославшись на то, что у Бригвадзе — первая судимость и что он не является общественно-опасным.

Денисова была признана виновной в том, что изготовила 4 литра самогона, и, кроме того, у нее было обнаружено 12 ведер закваски для изготовления самогона. Народный суд Петровского района Фрунзенской области Киргизской ССР приговорил ее по ст. 2 Указа к 2 годам лишения свободы условно, сославшись на то, что Денисова готовила самогон для своего дяди.

Наблюдаются также случаи применения Указа от 7 апреля 1948 г. к лицам, виновным в скупке и перепродаже самогона с целью наживы, хотя подобные действия подлежат квалификации, как спекуляция.

Так, Хачатрян был задержан в сентябре 1949 года на рынке при продаже самогона. При обыске у него на квартире было обнаружено еще 40 литров самогона, скупленного для перепродажи. Хотя действия Хачатряна подлежали квалификации, как спекуляция, народный суд 1-го участка Молотовского района г. Еревана осудил его по ст. 1 Указа от 7 апреля 1948 г.

Имеют место случаи волокиты при рассмотрении дел о самогоноварении. Так, в народном суде Олеского района Львовской области дело по обвинению Котко в изготовлении самогона находилось без рассмотрения в течение 7 месяцев.

В целях устранения недостатков

в работе судов по борьбе с самогонноварением Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующие указания:

1. Указать судам на необходимость решительной борьбы с самогонноварением путем точного применения к виновным соответствующих статей Указа от 7 апреля 1948 г. и неуклонного назначения мер наказания, установленных этим Указом.

Применение по этим делам ст.ст. 51 и 53 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик может иметь место лишь при особо смягчающих обстоятельствах.

2. Разъяснить судам, что в соответствии с требованиями Указа от 7 апреля 1948 г. по ст. 1 этого Указа подлежат ответственности не только лица, виновные в изготовлении и сбыте самогона, но также виновные в изготовлении самогона с целью сбыта, либо в его хранении с той же целью.

3. Скупка и перепродажа самогона с целью наживы должна квалифицироваться, как спекуляция, по ст. 107 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

4. Изготовление хмельных напитков из продуктов собственного хозяйства для сбыта или из давальческого сырья надлежит квалифицировать по ст. 99 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Изготовление же этих напитков для сбыта из покупного сырья надлежит квалифицировать по совокупности по ст.ст. 99 и 107 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

5. Указать судам, что эффективность борьбы с самогонноварением требует своевременного рассмотрения этих дел в установленный законом срок, с тем, чтобы виновные незамедлительно понесли наказание за совершенное преступление, ввиду чего волокита, недопустимая по любому делу, является особо нетерпимой по этой категории дел.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

1. НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 4 ИЮЛЯ 1947 г. «ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА»

*Дело Исторкина и Рябунина. Постановление Пленума
от 1 декабря 1950 г.*

По приговору Брянского областного суда, оставленному в силе определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР, Исторкин и Рябунин были осуждены по ст. 109 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по совокупности.

Приговором установлено, что Исторкин, работавший директором Дубровского пункта «Заготзерно», и Рябунин — заведующим складами этого пункта, в 1947—1948 гг. не приняли мер к хранению зерна в складах пункта, — зерно с повышенной влажностью сыпали на пол без подстилки соломы, не провеивали его, вследствие чего 6,5 т зерна испортилось.

С целью избежать ответственности за порчу зерна Исторкин и Рябунин зарыли в землю 6,5 т зерна, не составив акта об его уничтожении.

Приговором также установлено, что по распоряжению Исторкина и Рябунина в 1947—1948 гг. было незаконно отпущено разным организациям 3655 кг зерна, принадлежавшего государству. Кроме того, установлено, что Исторкин без ведома областной конторы «Заготзерно» на-

значил на должность заведующего складом Рябунина, который был ранее отстранен от работы, и предложил Рябунину принять зерно в склад без взвешивания.

Проверкой в складе, которым заведывал Рябунин, установлена недостача 39 511 кг зерна разных культур.

Ввиду того, что материалами дела хищение зерна Исторкиным и Рябуниным не доказано, а установлены лишь факты злоупотреблений, Генеральный Прокурор СССР внес протест, которым предлагалось исключить из приговора обвинение Исторкина и Рябунина по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР протест отклонила.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, внесенным в Пленум Верховного суда СССР, Пленум нашел, что для квалификации действий Исторкина и Рябунина по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» не было оснований.

По делу не добыто доказательств, подтверждающих, что Исторкин и Рябунин расхищали зерно или попустительствовали хищению зерна подчиненными им работниками.

Материалами дела установлено, что Исторкин и Рябунин, злоупотребляя своим служебным положением, отпускали зерно хозяйственным организациям, не имея нарядов областной конторы «Заготзерно», не принимали мер к хранению зерна на складе, вследствие чего зерно в количестве 6,5 т испортилось и было зарыто в землю, а акт об уничтожении этого зерна не составлялся. Они же приняли от заведующего складом Мартынова зерно без взвешивания, вследствие чего не представилось возможным установить причины образования недостачи 39 511 кг зерна и виновных в этой недостаче. Что же касается отпуска зерна работникам конторы «Загот-

зерно», то материалами дела установлено, что зерно работникам конторы отпускалось по нарядам областной конторы.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Исключить из приговора Брянского областного суда от 5 декабря 1948 г. обвинение Исторкина и Рябунина по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», в этой части дело производством прекратить и оставить в силе наказание, назначенное осужденным по ст. 109 УК РСФСР.

Приговор в части взыскания с Исторкина и Рябунина солидарно в пользу Дубровского пункта «Заготзерно» причиненного ими материального ущерба оставить без изменения.

2. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, КАК ОСНОВАННЫЙ НА ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ПОКАЗАНИЯХ СВИДЕТЕЛЕЙ, ОПРОВЕРГАЕМЫХ ДРУГИМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ПО ДЕЛУ

Дело Данилова и Сливкова. Постановление Пленума от 17 ноября 1950 г.

По приговору линейного суда Московско-Рязанской ж. д., оставленному в силе определением Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР, Данилов и Сливков были осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Приговором по настоящему делу установлено, что Данилов и Сливков в ночь на 16 июля на ст. Рыбное Московско-Рязанской ж. д. совершили хищение из вагона 95 флаконов духов и, сложив их в мешок, пытались поездом в эту же ночь доставить на ст. Рязань. Однако осуществить свое намерение им не удалось, так как проводник Максимова, обнаружив в уборной обслуживаемого ею вагона № 9 мешок с флаконами духов и заподозрив в хище-

нии духов Данилова и Сливкова, сообщила об этом ехавшим в поезде работникам охраны, ввиду чего, боясь быть задержанными, Данилов и Сливков выпрыгнули из вагона во время движения поезда.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Пленум находит, что приговор линейного суда Московско-Рязанской ж. д. и определение Железнодорожной коллегии в отношении Данилова и Сливкова подлежат отмене по следующим основаниям:

Данилов и Сливков ни на предварительном, ни на судебном следствии виновными себя не признали и показали, что вечером 15 июля они до 24 час. были в городском саду г. Рязани.

Обвинение Сливкова основано только на показаниях свидетелей — проводников вагонов Хоперской и Максимова. В отношении же Да-

нилова, помимо показаний Хоперской и Максимовой, обвинение основано также и на том, что при обыске 16 июля в кармане пиджака у Данилова был обнаружен флакон духов, совпадавший по наименованию с обнаруженными в уборной вагона флаконами духов. По этому поводу Данилов показал, что обнаруженный у него флакон духов он 16 июля купил у неизвестного ему мужчины на привокзальном рынке ст. Рязань.

Что касается показаний проводников Хоперской и Максимовой, то они крайне противоречивы.

Хоперская на первом допросе 18 июля показала, что 16 июля выехав со ст. Фруктовая, она в качестве действующей проводницы обслуживала вагоны №№ 4 и 5. На остановке «Жилые дома» в вагон № 9, где проводницей была Максимова, сели ее, Хоперской, соседи по дому — Данилов и Сливков, у которых был мешок, который они положили в уборную вагона № 9. Впоследствии установили, что в этом мешке было очень много духов во флаконах. Сливков и Данилов ехали в тамбуре вагона № 9 и выпрыгнули из вагона № 3 на ходу поезда в тот момент, когда проехали ст. Дягилево.

В первом судебном заседании Хоперская изменила свои показания и заявила, что 16 июля она ехала проводницей в трудовом поезде; по ее вагону прошли Данилов и Сливков. Когда они несли мешок, она не видела, но по вагону они проходили, — и в личностях она не ошибается.

На следующем судебном заседании при вторичном рассмотрении дела Хоперская еще раз изменила свои показания и заявила, что в ночь с 15 на 16 июля она сопровождала два вагона в трудовом поезде, который шел из Фруктовой в Рязань. После 1 час. ночи по ее вагону прошли Данилов и Сливков, которых она узнала, так как вагон освещался свечей. У них ничего не было в руках, прошли они в сле-

дующий вагон. После них прошла Максимова и спросила ее, не видела ли она ребят. Хоперская ей ответила, что видела двоих, которые прошли по ее вагону в следующий вагон. Когда садились в поезд Сливков и Данилов, она не видела.

Наконец, на третьем судебном заседании при рассмотрении дела в последний раз Хоперская вновь изменила свои показания и заявила, что в ночь с 15 на 16 июля она обслуживала вагоны №№ 3 и 4 в трудовом поезде, который шел из Фруктовой. Через ее вагон прошла Максимова, через некоторое время прошли Данилов и Сливков, которых она сразу узнала; в это время они пробежали по вагону к голове поезда. Поезд был в движении, куда они делись, она не знает, — вероятно, спрыгнули. Как садились в вагон Данилов и Сливков, она не видела.

Показания второй свидетельницы Максимовой также крайне противоречивы.

На первом допросе 16 июля Максимова показала, что на остановке «Жилые дома» ст. Рыбное «сели два человека, фамилии которых Сопов Юрий и Данилов Юрий. Из разговоров, что они жили один и второй в Рязани, ул. Первое мая, переулок 105, — это мне говорила проводница Хоперская, при них один мешок, а что там было, не знаю, и положили в уборную... Сопов и Данилов сошли с поезда, отъехав от ст. Дягилево, на стрелках спрыгнули на ходу поезда. Один побежал за будку, а второй в живую защиту».

На первом судебном заседании Максимова изменила свои показания и пояснила, что подсудимых ранее не знала и в ссоре с ними не состояла. 16 июля с трудовым поездом она возвращалась со ст. Фруктовая на ст. Рязань. Около 2 час. ночи на парке ст. Рыбное на ходу поезда сели два работника охраны Крайнов и Левин. Прошли в вагон и легли. При остановке поезда у «Жилых домов», которые расположены недалеко от парка ст. Рыбное, на площадку вагона вошли с двумя ме-

шками два человека; мешки они поставили в уборную, а сами остались на площадке. Осветив фонарем, она узнала, что эти людей она видела во дворе дома Хоперской. Это были Данилов и Сливков.

В следующем судебном заседании Максимова второй раз изменила свои показания и заявила, что около «Жилых домов» в вагон вошли двое, у них был мешок, наполненный до половины, и положили его в уборную, а сами остались в тамбуре.

На третьем судебном заседании Максимова в основном дала показания, аналогичные предыдущим.

Независимо от противоречивых показаний Максимовой и Хоперской, в деле имеется ряд доказательств, свидетельствующих в пользу обвиняемых.

На судебном заседании свидетель Шущанова подтвердила показания Данилова о покупке им 16 июля на рынке флакона духов.

Работники охраны Крайнов и Левин, от которых Максимова требовала задержать двух пассажиров, поставивших в уборной вагона № 9 мешок с флаконами духов, в категорической форме утверждали на суде, что Данилова и Сливкова они в поезде не видели.

Из протокола осмотра вагона видно, что лица, совершившие хищение, в целях недопущения обнаружения факта хищения на ст. Рыбное, закрыли дверь вагона на закладку, закрутили проволокой и подвесили мастичную, фиктивную пломбу с неясным отпечатком контроля. Это дает основание считать, что хищение было совершено лицами, хорошо знакомыми с работой грузовой слу-

жбы железнодорожного транспорта, связанными с работой этой станции и заинтересованными в том, чтобы хищение не было обнаружено на ст. Рыбное. К таким лицам не могут быть отнесены Данилов и Сливков, не являющиеся работниками железнодорожного транспорта, и проживавшие в г. Рязани, а следовательно, не заинтересованные в том, на какой станции будет обнаружено хищение.

Из этого же протокола и других материалов дела видно, что из указанного вагона было произведено хищение зонтиков из тонкой материи с розовыми цветами, ручек костяных белых, духов разных 200 флаконов, зубной пасты 160 тюбиков и зубного порошка 100 коробок. В уборной же вагона № 9 в мешке было обнаружено из всего похищенного только 95 флаконов разных духов. Расследование в целях выявления остального похищенного товара не производилось.

При всех указанных обстоятельствах следует признать, что показания Максимовой и Хоперской как вследствие своей крайней противоречивости, так и в свете сопоставления их с указанными обстоятельствами не могут быть положены в основу обвинения.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Приговор линейного суда Московско-Рязанской ж. д. и определение Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР в отношении Сливкова и Данилова отменить и дело в отношении их за недоказанностью обвинения производством прекратить.

3. ИЗМЕНЯЯ СОДЕРЖАНИЕ ОБВИНЕНИЯ ПО ПРИГОВОРУ, ВЫШЕСТОЯЩИЙ СУД ОБЯЗАН ПРИВЕСТИ ОБОСНОВАННЫЕ МОТИВЫ, ОПОРОЧИВАЮЩИЕ ВЫВОДЫ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

*Дело Медкова. Постановление Пленума
от 17 ноября 1950 г.*

По приговору народного суда 2-го участка Луховицкого района Московской области Медков был осужден по ч. 1 ст. 1 Указа Президиума

Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Медков признан виновным в том,

что ночью похитил 1500 кг картофеля, принадлежащего гр-ну Псареву, и продал его Столяровой.

Определением Московского областного суда действия Медкова были переквалифицированы на ст. 90 УК РСФСР и снижено наказание.

Это определение было опротестовано Председателем Верховного суда РСФСР в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, определением которой протест был отклонен.

Равным образом определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР был отклонен протест Председателя Верховного суда СССР по этому делу.

В связи с этим Председатель Верховного суда СССР внес протест по делу в Пленум Верховного суда СССР. Пленум находит, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Изменяя квалификацию преступления, Московский областной суд указал на то, что, как видно из дела, Псарев разрешил Медкову взять из бурта 5—10 мешков картофеля, а то обстоятельство, что Медков, воспользовавшись разрешением Псарева, самовольно взял 40 мешков, не дает оснований для квалификации его действий по упомянутому Указу от 4 июня 1947 г., так как умысел Медкова не был направлен на хищение картофеля. Эти же утверждения были положены в

основу определений Судебных коллегий Верховного суда РСФСР и Верховного суда СССР.

Между тем подобный вывод не обоснован материалами дела. Если признать, что Псарев разрешил взять Медкову всего 5—10 мешков, то действия Медкова, взявшего вопреки разрешению Псарева, 40 мешков, не могут рассматриваться как самовольное осуществление им действительного или предполагаемого права, предусмотренное ст. 90 УК РСФСР. С другой стороны, как видно из дела, Медков вывез картофель из бурта тайно, ночью и продал его Столяровой. При всех этих обстоятельствах следует признать, что ни Московский областной суд, ни последующие судебные инстанции не привели достаточно веских оснований, которые могли бы поколебать выводы приговора о том, что Медковым было совершено хищение картофеля у Псарева.

Ввиду изложенного, Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР, Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР и Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда по делу Медкова отменить и дело передать на новое кассационное рассмотрение в Судебную коллегия по уголовным делам Московского областного суда в ином составе.

4. НАРУШЕНИЕ ст. 16 ЗАКОНА О СУДОУСТРОЙСТВЕ СССР, СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК

Дело Теплякова. Постановление Пленума от 1 декабря 1950 г.

По приговору линейного суда Горьковской ж. д. были осуждены Степанов по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и Тепляков по ст. 17 УК РСФСР и по ст. 2 того же Указа.

Приговором установлено, что Степанов, будучи осмотрщиком вагонов станции Ильино Горьковской ж. д., в ночь на 22 июня 1948 г. по сговору с не установленным следствием лицом похитил из вагона 182 кг крупы саго и 78 кг пшена. Тепляков признан виновным в том, что он, будучи рабочим

ст. Ильино и зная о совершенном Степановым хищении крупы из вагона, не препятствовал Степанову спрятать похищенную крупу в стог сена на принадлежащем Теплякову усадебном участке.

Определением Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР приговор в отношении Степанова был отменен и дело за недоказанностью предъявленного обвинения производством прекращено, а в отношении Теплякова приговор оставлен в силе. По протесту Генерального Прокурора СССР Пленум Верховного суда СССР отменил определение Железнодорожной коллегии в части, касающейся Степанова, и передал дело о нем на новое рассмотрение в ту же коллегию в ином составе, указав, что Железнодорожная коллегия, отменяя приговор, не дала в определении должной оценки имеющимся в деле доказательствам. При вторичном рассмотрении дела Степанова Железнодорожная коллегия отменила приговор не только в отношении Степанова, но и в отношении Теплякова, и направила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Второе определение Железнодорожной коллегии вынесено с нарушением ст. 16 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, так как оставленный в силе первым определением той же коллегии приговор в отношении Теплякова мог быть отменен только

Пленумом Верховного суда СССР по протесту Председателя Верховного суда СССР или Генерального Прокурора СССР, либо той же коллегией, если бы первое определение было отменено Пленумом и дело передано им на новое кассационное рассмотрение.

Вместе с тем действия Теплякова неправильно квалифицированы как соучастие в хищении крупы, совершенном Степановым.

Из материалов дела видно, что, узнав от Степанова о совершенном им хищении крупы в крупных размерах и о том, что мешок крупы Степанов спрятал в стог сена на усадебном участке Теплякова, последний не донес о преступлении Степанова органам власти, но никаких активных действий со стороны Теплякова в сокрытии похищенной крупы не установлено.

На основании изложенного Пленум Верховного суда СССР, согласившись с протестом Председателя Верховного суда СССР, постановил:

Определением Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР в отношении Теплякова отменить. Действия Теплякова переквалифицировать со ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ст. 5 этого Указа и определить ему наказание в два года лишения свободы без поражения в правах.

5. ВЫШЕСТОЯЩИЙ СУД НЕ ДОЛЖЕН ОСНОВЫВАТЬ СВОЕ РЕШЕНИЕ НА МАТЕРИАЛАХ, КОТОРЫЕ НЕ БЫЛИ ПРЕДМЕТОМ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОВЕРКИ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Дело Блохина. Постановление Пленума от 1 декабря 1950 г.

Блохин предъявил иск к Степанову о выселении из комнаты площадью 20 кв. м в квартире № 110 дома № 5 по Вяземскому пер. в Ленинграде, ссылаясь на то, что указанная площадь должна быть ему возвращена на основании постановления СНК СССР от 5 августа 1941 г., так как он был призван с

этой жилплощади в Советскую Армию. Дело рассматривалось неоднократно в различных судебных инстанциях. Ленинградский городской суд решением от 9 октября 1948 г. иск Блохина о выселении Степанова удовлетворил. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 21 де-

кабря 1948 г. решение Ленинградского городского суда оставила в силе.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определением от 27 сентября 1949 г. оставила в силе решение народного суда 3-го участка Приморского района г. Ленинграда от 27 августа 1948 г. об отказе в иске Блохину, отменив все последующие решения и определения.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Пленум находит, что определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 27 августа 1948 г. подлежит отмене по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что истец Блохин действительно был призван со спорной жилой площади в Советскую Армию. Ответчик Степанов, не признавая иска, утверждал, что им произведен восстановительный ремонт жилой площади, разрушенной снарядом, и поэтому он не может быть выселен. Ленинградский городской суд, удовлетворяя иск Блохина, установил, что вся жилая площадь, так же как вся квартира № 110 в доме № 5 по Вяземскому пер., не подвергалась разрушению от военных действий и восстановительного ремонта не требовала и что в квартире № 110 производился лишь текущий и частично капитальный ремонт мест общего пользования.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, отменяя по существу правильное решение Ленинградского городского суда, указала, что имеющиеся в деле данные, — в частности, акт эксперта от 14 января 1949 г., — капитально-восстановительный ремонт спорной комнаты подтверждает. Между тем имеющиеся в деле данные и, в частности, акт эксперта от 14 января 1949 г. не давали права Судебной

коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР утверждать о том, что ответчик Степанов произвел капитально-восстановительный ремонт спорной площади. В деле имеется заключение эксперта от 5 октября 1945 г., в котором указывается, что никаких восстановительных работ в квартире № 110 не производилось. Что касается акта эксперта от 14 января 1949 г., который был положен в основу определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР, то этот акт не имеет силы судебного доказательства, так как выводы экспертизы не были предметом исследования и оценки судом первой инстанции. Кроме того, следует учесть, что согласно постановлению СНК СССР от 30 декабря 1944 г. местные Советы могут передавать для восстановления лишь дома, разрушенные в результате военных действий, а не квартиры и комнаты, которые они обязаны ремонтировать сами и передавать гражданам, которые ранее там жили.

Дополнительной проверкой установлено, что 30 мая 1949 г. Степанов был выселен, а Блохин вселен в свою комнату и проживает в ней в течение полутора лет. Что касается вопроса о затратах, произведенных Степановым на ремонт, то он вправе вчинить иск о возмещении этих расходов.

По изложенным основаниям Пленум Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, постановляет:

Отменить определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 27 сентября 1949 г., оставив в силе решение Судебной коллегии по гражданским делам Ленинградского городского суда от 9 октября 1948 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 21 декабря 1948 г., которыми удовлетворен иск Блохина Федора Георгиевича о выселении Степанова Ивана Степановича.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, КАК ОСНОВАННЫЙ НА ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ, СОБРАННЫХ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ И НЕ ПРОВЕРЕННЫХ НА СУДЕ

*Дело Аббасова. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 3 ноября 1950 г.*

По приговору народного суда в г. Баку Аббасов был осужден по ч. 1 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Определением Верховного суда АзССР приговор оставлен в силе.

Аббасов признан виновным в том, что он в ночное время около вокзала ст. Баку со своим соучастником, личность которого по делу не установлена, совершили разбойное нападение на гражданина Аллахвердиева с целью ограбления.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по уголовным делам нашла, что приговор и определение подлежат отмене и дело возвращению на новое рассмотрение по следующим основаниям:

Аббасов не признал себя виновным. Обвинение Аббасова в разбойном нападении на Аллахвердиева основано на показаниях свидетелей Фролова и Мкртумова и потерпевшего Аллахвердиева, данных ими на предварительном следствии.

Суд не вызвал на судебное заседание потерпевшего Аллахвердиева,

являющегося основным свидетелем по этому делу, и не проверил его показаний на предварительном следствии, а также не допросил свидетеля Фролова, показания которого имеют существенное значение для дела.

Таким образом, судебное следствие по данному делу проведено исключительно поверхностно, без проверки доказательств, собранных на предварительном следствии, чем нарушен принцип устности и непосредственности уголовного процесса.

При всех указанных обстоятельствах приговор подлежит отмене, как вынесенный с нарушением ст. 23 Основ уголовного судостройства Союза ССР и союзных республик, согласно которой суд основывает свой приговор на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании.

Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда и определение Верховного суда АзССР в отношении Аббасова отменить и дело направить на новое судебное рассмотрение.

**2. В ПРИГОВОРЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УКАЗАНЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА,
ПОЛОЖЕННЫЕ СУДОМ В ОСНОВУ СВОЕГО ВЫВОДА О ВИНОВНОСТИ
ПОДСУДИМОГО**

*Дело Гуровой и других. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 15 ноября 1950 г.*

(Извлечение)

По приговору Сахалинского областного суда Гурова, Евдокунина и Костина были осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Верховного суда РСФСР приговор оставлен в силе.

Приговором по настоящему делу установлено, что Гурова, будучи заведующей магазином № 1 Паронайского отделения Военторга, вовлекла в преступление заведующих отделами этого же магазина — Евдокунину и Костину, совместно с которыми совершила хищение 10 350 руб.

Кроме того, они похитили 17 263 руб., но вынести эти деньги не успели, спрятав их в перчатках, пальто, халате и железной шкатулке.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам нашла, что и приговор и определение подлежат отмене по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, в магазин № 1, которым заведывала Гурова, поступила со склада Паронайского отделения Военторга партия обуви, причем при таксировке фактуры стоимость всей партии была бухгалтерией Военторга по ошибке исчислена в 1 150 руб. вместо 11 500 руб., т. е. занижена на 10 350 руб.

Эта ошибка была обнаружена лишь спустя полгода. Произведенной в связи с этим ревизией было установлено, что деньги 10 350 руб. в магазине не отражены и последним не сдавались.

Органы предварительного следствия сделали правильный вывод о том, что эта сумма присвоена. Одна-

ко вместо того, чтобы установить конкретное лицо, виновное в присвоении этих денег, привлекли к уголовной ответственности всех работников магазина с материальной ответственностью — Гурову, Костину и Евдокунину.

Сахалинский областной суд, вместо передачи дела на исследование для устранения этой грубой ошибки, не только принял дело к своему производству, но и вынес Гуровой, Костиной и Евдокуниной обвинительный приговор, в котором не указал, какими доказательствами он руководствовался в отношении каждого подсудимого в отдельности.

Между тем из собранных по делу материалов не представляется возможным установить, какой порядок сдачи выручки существовал как внутри самого магазина, так и из магазина в банк, кто конкретно составлял отчетность, у кого на руках находилась выручка, кто в магазине принял обувь — Гурова и Костина или только Костина, являвшаяся заведующей протоварным отделом магазина. Совершенно непонятно, какое отношение к этому эпизоду с обувью имеет Евдокунина, работавшая заведующей продовольственным отделом магазина.

Так же необоснованно Гурова, Костина и Евдокунина были признаны виновными в покушении на хищение 17 263 руб.

Как видно из дела, при очередной ревизии магазина под прилавком было обнаружено 9 980 руб. Деньги были завернуты в пальто, которым пользовалась Евдокунина. Кем были спрятаны эти деньги, следствие не установило. За несколько дней до этого случая Евдокунина нашла 1000 руб., спрятанных в перчатку, и около 3000 руб. — в железном ящике.

Кому принадлежали эти деньги и кто их спрятал, предварительное следствие не установило. Лишь один только факт обнаружения спрятанных в разных местах магазина денег и послужил основанием для обвинения Гуровой, Костиной и Евдокуниной в хищении этих денег. И по этому пункту обвинения суд не указал в приговоре, какими доказательствами он считает обоснованным обвинение каждой из подсудимых.

Таким образом, при наличии данных, свидетельствующих о фактах хищения, по делу вместе с тем не выяснены существенные обстоятель-

ства, имеющие значение для решения вопроса о виновности подсудимых или других лиц.

Считая по изложенным соображениям приговор необоснованным и вынесенным с нарушением ст. 334 УПК РСФСР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, руководствуясь ст. 414 УПК РСФСР, определила:

Приговор Сахалинского областного суда и определение Верховного суда РСФСР в отношении Гуровой, Евдокуниной и Костиной отменить и дело направить на дополнительное расследование.

3. НЕОБОСНОВАННОЕ СМЯГЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ПРИЗНАННЫХ ВИНОВНЫМИ В СИСТЕМАТИЧЕСКИХ ХИЩЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Дело Стержанова и Шаврука. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 30 ноября 1950 г.

По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Бобруйского областного суда БССР были осуждены по ст. 196¹ УК БССР (злоупотребление служебным положением) и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по совокупности — Стержанов на 10 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях, с конфискацией имущества, и Шаврук на 12 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях, с поражением в избирательных правах на 3 года.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР в отношении Шаврука исключено из приговора обвинение по ст. 2 названного Указа, а назначенное наказание по ст. 196¹ УК БССР заменено условным осуждением с испытательным сроком в течение 5 лет; в отношении Стержанова применена ст. 51 УК БССР и наказание снижено до 3 лет, которое на основании ст. 56 УК БССР заменено условным осуждением с испытательным сроком в течение 5 лет, с исключением из приговора конфискации имущества.

Приговором по делу установлено, что Стержанов, работая директором Бобруйской областной типографии и используя служебное положение, в октябре и декабре 1946 года получил с Минского пивоваренного завода 454 л пива, стоимость которого была оплачена за счет типографии. Из этого количества пива 100 л Стержанов взял себе, а остальное количество было израсходовано на проведение коллективного вечера работников типографии.

С целью скрытия незаконного расходования средств Стержанов в апреле 1947 года отпустил пивзаводу бланки и другие изделия типографии, выполненные рабочими типографии, без оприходования стоимости работы по бухгалтерии, чем было покрыто расходование средств на пиво.

В октябре 1947 года за выполненные работы типографии автотранспортом Леспромхоза было уплачено 380 кг бумаги, а положенные к оплате за эту работу 1536 руб. были Стержановым присвоены.

В декабре 1947 года Стержанов и главный бухгалтер Шаврук присвоили 1000 руб., якобы выданных рабочему Селезневу, который работы не выполнял и денег не получал.

В июне 1948 года Стержанов совместно с Шавруком присвоил 3 500 руб., якобы выданных рабочим Петрову и Новикову за ремонт цеха в типографии, тогда как эта работа была выполнена областным строительным трестом.

Кроме того, Шаврук погасил типографскими заказами свою задолженность по подотчетным суммам в конторе «Заготживсырье», где он работал до поступления в типографию.

В ноябре 1947 года Шаврук незаконно получил 1000 руб. за составление сметы и плана по труду на 1948 год, в то время как в типографии имелся плановик, а за составление годового отчета за 1947 год Шаврук незаконно получил 600 руб., хотя эта работа входила в круг его обязанностей.

Шаврук также незаконно получил аванс в счет зарплаты в сумме 2509 руб. и в подотчет 1900 руб., за которые он не отчитался в течение трех лет.

Получив ссуду в размере 4000 руб. на строительство, Шаврук израсходовал ее на разные личные нужды, а никакого строительства произведено не было.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР указано, что преступной связи между Стержановым и Шавруком не установлено, что нельзя рассматривать как хищение получение Шавруком денег авансом в счет зарплаты и в подотчет и что вопрос об этих суммах относится к гражданским взаимоотношениям, что вина Шаврука заключается только в том, что он с ведома Стержанова покрыл свою задолженность в конторе «Заготживсырье» в сумме 372 руб. продукцией типографии, чем совершил преступление, предусмотренное ст. 196¹ УК БССР.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Коллегия признала, что определение Верховного суда БССР подлежит отмене по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что

Шаврук знал, что ремонт цеха типографии произведен областным строительным трестом, за что ему выплачены деньги, и в то же время составил фиктивную ведомость на 3500 руб. на вымышленных лиц об уплате якобы им за указанные работы. Эта ведомость, а также другие документы были подписаны Стержановым и Шавруком, и деньги присвоены.

Далее Шаврук совместно со Стержановым присвоил 1000 руб. по подписанной ими ведомости в выдаче этих средств Селезневу за якобы выполненную работу, а на самом деле Селезнев в штате типографии не состоял и денег не получал.

Верховный суд БССР не привел никаких данных, опровергающих указанные обстоятельства, свидетельствующие о наличии преступной связи между Шавруком и Стержановым. Кроме того, Шаврук, начиная с 1947 года, систематически брал в счет аванса по зарплате и в подотчет крупные суммы денег. Всего он взял 4409 руб., за которые не отчитался, а свою задолженность в конторе «Заготживсырье» в сумме 372 руб. покрыл продукцией типографии. В этих действиях Шаврука усматривается один из методов присвоения государственных средств.

При наличии этих обстоятельств Верховный суд БССР без достаточного анализа доказательств исключил из приговора обвинение Шаврука по ст. 2 названного Указа.

Кроме того, Верховный суд БССР без учета степени общественной опасности преступления назначил Шавруку наказание условно, а также снизил Стержанову наказание и применил условное осуждение.

Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР в отношении Стержанова и Шаврука, а дело о них направить на новое кассационное рассмотрение в ту же Коллегию в ином составе судей.

4. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОТРАВУ НАСТУПАЕТ ЛИШЬ В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ПОТРАВА ДОПУЩЕНА УМЫШЛЕННО

Дело Харченко и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 9 декабря 1950 г.

По приговору народного суда Пушкинского района АзССР осуждены по ч. 1 ст. 108⁴ УК АзССР Харченко, Шахбазов, Довлатова и Ковтуненко.

Определением Верховного суда АзССР приговор оставлен в силе.

Протест принесен на предмет отмены приговора и определения и прекращения дела производством за отсутствием в действиях осужденных состава преступления.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Харченко, Шахбазов, Довлатова и Ковтуненко признаны виновными в том, что они, имея в своем личном хозяйстве коров, не осуществляли за ними соответствующего присмотра. Ввиду этого 23 октября 1949 г. принадлежащие им коровы забрели на хлопковое поле колхоза имени Сталина Пушкинского района АзССР и целый день ходили по полю и кормились хлопчатником, чем был нанесен материальный ущерб колхозу в сумме 8789 руб.

Осужденные, признавая себя виновными, показали, что допустили недосмотр за своими коровами ввиду занятости хозяйственными делами и предъявленный к ним гражданский иск признали правильным.

Приговор и определение Верховного суда АзССР подлежат отмене, а дело прекращению дальнейшим производством по следующим основаниям:

По прямому смыслу ст. 108⁴ УК АзССР потрава или истребление хлопковых посевов влечет за собою уголовную ответственность только при умышленном их истреблении или потраве.

Из материалов же дела видно, что потрава хлопкового поля колхоза коровами, принадлежащими осужденным, произошла не умышленно, а по их недосмотру, поэтому Харченко, Шахбазов, Ковтуненко и Довлатова должны были отвечать за нанесенный колхозу имени Сталина материальный ущерб в гражданском порядке. Материальный ущерб с владельцев коров взыскан.

Поэтому, соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Пушкинского района АзССР и определение Верховного суда АзССР в отношении Харченко, Шахбазова, Довлатовой и Ковтуненко отменить и за отсутствием в их действиях состава преступления, дело дальнейшим производством прекратить.

5. СУД, УСТАНОВИВ НАЛИЧИЕ НЕПРИЯЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ОБВИНЯЕМЫМ И СВИДЕТЕЛЕМ, ОБЯЗАН ВЫЯСНИТЬ, КАКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОВЛЕКЛИ ЗА СОБОЙ ТАКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Дело Киндяковой и Токаревой. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 15 ноября 1950 г.

Народный суд 2-го участка Сталинского района г. Вильнюс нашел обвинение Токаревой и Киндяковой недоказанным и в отношении обеих вынес оправдательный приговор.

Верховный суд Литовской ССР кассационный протест прокурора отклонил.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР на предмет отмены оправдательного приговора и определения Верховного суда Литовской ССР в отношении Токаревой и Киндяковой и направления дела на новое рассмотрение, установила: Киндяковой было предъявлено обвинение в том, что она, будучи

заведующей закуской № 9 рыбкоопы, покупала водку по розничным ценам и реализовала ее через буфет по ценам, существующим в предприятиях общественного питания, т. е. с наценкой, а также в том, что она не пресекала злоупотреблений, совершаемых работниками буфета. Заведующей буфетом той же закуской Токаревой было предъявлено обвинение в том, что она совершила растрату 2264 руб., а также присвоила полученные от лотошницы Благодаревой 1403 руб.

Действия Киндяковой были квалифицированы по ст. 109 УК РСФСР, а действия Токаревой — по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Суд отверг предъявленное Киндяковой и Токаревой обвинение на том основании, что они изобличаются лишь показаниями Благодаревой и Кайгородовой, которые были уволены по инициативе Киндяковой и Токаревой, а других доказательств в деле нет.

Такой вывод суда является необоснованным, так как противоречит имеющимся в деле материалам. Кроме показаний Благодаревой и Кайгородовой, Киндякова и Токарева изобличались и показаниями

Артеньевой, Горюновой, Миндровой. Однако суд не оценил показаний этих свидетелей.

Благодарева и Кайгородова заявили, что они были уволены по инициативе Киндяковой и Токаревой ввиду того, что они сигнализировали о чинимых преступлениях в правление кооператива. Суд, однако, не выяснил должным образом взаимоотношений Киндяковой и Токаревой с Благодаревой и Кайгородовой. Достаточно было Киндяковой и Токаревой заявить о том, что с изобличившими их свидетелями у них неприязненные отношения, как суд без проверки причин, вызвавших такие отношения, нашел возможным считать показания этих свидетелей опороченными, что не основано на законе.

При наличии таких обстоятельств приговор и определение по настоящему делу нельзя считать обоснованными, в связи с чем Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 2-го участка Сталинского района г. Вильнюс и определение Верховного суда Литовской ССР в отношении Киндяковой и Токаревой отменить и дело передать на новое судебное рассмотрение в другой народный суд через Верховный суд Литовской ССР.

6. НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ВОЖДЕНИЯ АВТОТРАНСПОРТА, ДОПУЩЕННОЕ ЛИЦОМ, НЕ ЯВЛЯЮЩИМСЯ РАБОТНИКОМ АВТОТРАНСПОРТА. ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ПО ТАКОМУ РОДА ДЕЛАМ СУД ДОЛЖЕН УЧЕСТЬ ПОВЫШЕННУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ТАКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Дело Суслова. Определение Железнодорожной коллегии от 29 ноября 1950 г.

По приговору линейного суда Московско-Донбасской ж. д. Суслов был осужден по ч. 1 ст. 59¹⁸ УК РСФСР к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием из заработной платы 15%.

Суслов — механик связи шахты треста «Сталиногорскуголь», имеющий право на вождение легковой автомашины как шофер-любитель, признан виновным в том, что 6 сентября 1950 г. он поехал в качестве водителя с разрешения начальника

шахты на автомашине, принадлежащей шахтоуправлению, выехал без путевки, без технического паспорта и не проверил технического состояния машины; на переезде ст. Сталиногорск, Суслов вследствие неисправности ручного и ножного тормозов не мог остановить автомашину, сбил шлагбаум и нанес переездному сторожу Пашкову тяжелые телесные повреждения.

Считая неправильной квалификацию действий Сулова по ч. 1 ст. 59^{3в} УК РСФСР, а назначенное ему наказание мягким, Генеральный Прокурор СССР внес протест, полагая необходимым отменить приговор по делу Сулова и направить дело на новое рассмотрение по признакам ч. 1 ст. 142 УК РСФСР.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Железнодорожная коллегия нашла, что приговор линейного суда по делу Сулова подлежит отмене по следующим основаниям:

Как указано выше, Сулов не являлся работником автотранспорта, и поэтому нельзя признать правильной квалификацию его действий по ст. 59^{3в} УК РСФСР. Пленум Верховного суда СССР 15 сентября 1950 г. в своем постановлении № 16/12/у разъяснил, что квалификации по ст. 59^{3в} УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик подлежат нарушения правил движения на автотранспорте, допущенные работниками автотранспорта.

Соглашаясь поэтому с протестом Генерального Прокурора СССР о том, что действия Сулова квалифицированы по ч. 1 ст. 59^{3в} УК РСФСР неправильно, Коллегия вместе с тем считает, что вменяемое Сулову преступление подпадает под признаки ст. 75¹ УК РСФСР, а не под признаки ч. 1 ст. 142 УК РСФСР, как ставит вопрос в своем протесте Генеральный Прокурор СССР.

В приведенном постановлении Пленума Верховного суда СССР указано, что по ст. 136 или 142 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик должно квалифицироваться сознательное злостное нарушение правил движения (так называемое «лихачество», хулиганские побуждения, вождение в нетрезвом виде и т. д.), которое повлекло несчастные случаи с людьми — смерть или увечье потерпевшего. Из вышеприведенных обстоятельств нарушения Суловым правил движения 6 сентября 1950 г. этих квалифицирующих признаков в действиях Сулова по делу не установлено. Поэтому действия, вменяемые Сулову, в соответствии с указанным постановлением Пленума Верховного суда СССР должны быть квалифицированы по ст. 75¹ УК РСФСР.

В этом же постановлении Пленум Верховного суда СССР обратил внимание судов на то, что при рассмотрении дел указанной категории суды должны учитывать повышенную общественную опасность преступлений, применяя строго и последовательно меры наказания, предусмотренные законом, к лицам, виновным в нарушениях правил движения на автотранспорте.

Из имеющихся в деле данных видно, что сторожу Пашкову нанесены тяжелые телесные повреждения и он признан инвалидом второй группы.

Линейный суд, признав Сулова виновным, не учел повышенной общественной опасности допущенного им нарушения правил движения на автотранспорте и назначил ему чрезмерно мягкое наказание.

Ввиду всего изложенного Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, руководствуясь ст. 416 УПК РСФСР, определила:

Приговор линейного суда Московско-Донбасской ж. д. по делу Сулова отменить и дело по обвинению его направить на новое судебное рассмотрение по признакам ст. 75¹ УК РСФСР.

7. ОТМЕНА ПРИГОВОРА ВВИДУ МЯГКОСТИ ИЗБРАННОЙ СУДОМ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ, ПОВЛЕКШЕЕ ТЯЖКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Дело Савринского. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 29 ноября 1950 г.

По приговору Верховного суда Литовской ССР осужден Савринский по ч. 3 ст. 133 УК РСФСР к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 25% из зарплаты в доход государства.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Суд признал директора совхоза Савринского виновным в грубом нарушении законов об охране труда и технике безопасности, в результате чего погиб рабочий Леронд.

Из материалов дела видно, что в совхозе на приводе от водяной мельницы работала лесопилка. Савринский, поставив к лесопилке молодых рабочих, прибывших в совхоз после окончания школы ФЗО, не ознакомил их с процессом работы и не проинструктировал. Кроме того, в нарушение правил техники безопас-

ности ни на одном движущемся механизме не было ограждений. Главная трансмиссия, приводившаяся в движение мельницей, также не была ограждена. В результате молодой рабочий Леронд во время вращения трансмиссионного вала был затянут передаточным ремнем в трансмиссию и убит.

Виновность Савринского установлена по делу, но суд избрал в отношении Савринского мягкую меру наказания, которая не соответствует тяжести совершенного преступления и не обеспечивает должной борьбы с такого рода преступлениями. На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР в отношении Савринского отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд, но в ином составе.

8. НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ НА ПРОИЗВОДСТВЕ, ЯВИВШИЙСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ САМОВОЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО ВОПРОКИ УКАЗАНИЯМ ЛИЦА, ОТВЕТСТВЕННОГО ЗА ТЕХНИКУ БЕЗОПАСНОСТИ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОСТАВЛЕН В ВИНУ ПОСЛЕДНЕМУ

Дело Бояджяна. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 6 декабря 1950 г.

По приговору народного суда 1-го участка Спандарянского района г. Еревана Бояджян осужден по ч. 1 ст. 134 УК Армянской ССР.

Определением Судебной коллегии Верховного суда Армянской ССР приговор оставлен в силе.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

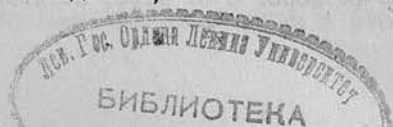
Бояджян признан виновным в том, что, работая техником на строительстве жилого дома Министерства водного хозяйства, допустил нарушение правил по технике безопасности,

в результате чего погиб рабочий Бабаян.

Приговор народного суда и определение Верховного суда Армянской ССР подлежат отмене, а дело прекращению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что 28 октября 1949 г. Бояджян поручил рабочим поднять с первого этажа на четвертый этаж трубы и, разъяснив способ подъема труб, ушел на другой объект работы. После ухода Бояджяна Бабаян, вопреки указанию Бояджяна, по собственной иници-

108812/2-тр. 170

циативе изменил процесс поднятия труб, пытался поднять трубы по самочинно избранному способу, в результате чего упал с четвертого этажа вниз и получил смертельные телесные повреждения. Ссылка суда в приговоре на то, что Бояджян, дав задание и показав способ поднятия труб, должен был остаться на месте и проследить, как рабочие выполняют его задание, несостоятельна и не может служить основанием для признания Бояджяна виновным в смерти Бабаяна, ибо смерть по-

следнего произошла в результате его же самочинных, не вызывавшихся необходимостью действий.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го участка Спандарянского района г. Еревана и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР отменить и дело за недоказанностью предъявленного обвинения Бояджяну производством прекратить.

9. ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО НЕ МОЖЕТ ОТВЕЧАТЬ ЗА ПОСЛЕДСТВИЯ, НАСТУПИВШИЕ ВСЛЕДСТВИЕ НЕНОРМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ РАБОТЫ, В КОТОРЫЕ ОНО БЫЛО ПОСТАВЛЕНО НАЧАЛЬНИКОМ И КОТОРЫЕ НЕ ДАВАЛИ ЕМУ ВОЗМОЖНОСТИ ФАКТИЧЕСКИ ВЫПОЛНЯТЬ ВОЗЛОЖЕННЫЕ НА НЕГО ОБЯЗАННОСТИ

Дело Иванова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 25 октября 1950 г.

По приговору народного суда 3-го участка г. Тарту Иванов был осужден по ст. 111 УК РСФСР.

Определением Верховного суда Эстонской ССР приговор оставлен в силе.

Иванов признан судом виновным в том, что он, работая сторожем на мукомольно-хлебном комбинате, допустил преступно-халатное отношение к своим обязанностям, выразившееся в том, что во время дежурства в ночь с 11 на 12 августа он не уследил, как была совершена кража разных материальных ценностей со склада комбината на 7547 р. 75 к.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия нашла, что дело в отношении Иванова подлежит прекращению по следующим основаниям:

Из показаний Мертвина — начальника пожарно-сторожевой охраны — видно, что основная работа Иванова заключалась в охране ворот (проходной). Склад отстоял шагов на 100 от ворот и от ворот не был ви-

ден. Ни сторож Иванов, ни другие сторожа склад формально под охрану не принимали (не расписывались в книге). Этот же свидетель показал, что он ставил вопрос перед директором комбината о найме дополнительных сторожей для охраны складов, так как сторожам у ворот это было не под силу. После кражи были наняты дополнительные сторожа, что свидетельствует о том, что по не зависящим от него обстоятельствам, вследствие нераспорядительности его начальника Иванов физически не мог осуществить надлежащую охрану склада комбината, а поэтому его осуждение по ст. 111 УК РСФСР следует признать неправильным.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда 3-го участка г. Тарту и определение Верховного суда Эстонской ССР в отношении Иванова отменить и дело о нем в уголовном порядке прекратить.

10. ОБВИНЕНИЕ В ХИЩЕНИИ ОТВЕРГНУТО КАК ОСНОВАННОЕ НА ОГОВОРЕ СО СТОРОНЫ ЗАИНТЕРЕСОВАННОГО ЛИЦА, НАХОДЯЩЕМСЯ В ПРОТИВОРЕЧИИ С ДРУГИМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ПО ДЕЛУ

Дело Шашина. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 29 ноября 1950 г.

(Извлечение)

По приговору народного суда 3-го участка Куйбышевского района г. Горького Шашин был осужден по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Судебная коллегия по уголовным делам Горьковского областного суда приговор народного суда оставила в силе.

Шашин признан виновным в том, что, работая заведующим магазином № 1 Облхудожпромсоюза, он не только не контролировал работы подотчетных ему лиц — лоточниц, но вступил в преступную связь с осужденной по настоящему делу лоточницей Ильиной, посещал ее квартиру и участвовал в выпивках, которые оплачивала Ильина.

Шашин доверял Ильиной работу в складе и за прилавком магазина, а с целью сокрытия растраты у Ильиной предложил ей на день снятия остатков, т. е. на 2 января 1950 г., заведомо зная, что товаров у Ильиной нехватает, составить фиктивный список товаров, на основании которого был составлен акт о том, что у Ильиной недостачи нет.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия нашла, что приговор народного суда в отношении Шашина подлежит изменению по следующим основаниям:

Приговор в отношении Шашина основан на предположениях и оговоре осужденной по делу Ильиной, которая признала себя виновной в растрате 8985 руб., но заявила, что растрата у нее образовалась в результате того, что она часто угощала Шашина и что он брал у нее наличные деньги без расписок, обещая их списать.

Это показание Ильиной не подтверждается другими объективными данными. На первых двух допросах в органах предварительного следствия Ильина не только признала себя виновной в растрате 8985 руб., но и дала обязательство эту сумму уплатить, причем ничего не говорила о Шашине и его причастности к растрате.

Свидетель Виноградов в суде показал, что когда у Ильиной была установлена недостача, то она скрылась, и Шашин немедленно заявил об этом в соответствующие органы, и Ильина была задержана. Никто из допрошенных свидетелей не подтвердил показания Ильиной о том, что она якобы находилась с Шашиным в близких отношениях.

Показания Ильиной о частых посещениях Шашиним ее квартиры и выпивках не находят подтверждения в материалах дела.

Свидетельница Дрожилова, родственница Ильиной, показала, что она видела несколько раз Шашина в квартире, так как она проживает на одной квартире с Ильиной, но отрицала факты выпивок.

Сам осужденный Шашин показал, что он дважды был на квартире Ильиной и что оба эти посещения были связаны с работой и, в частности, с ревизией.

Утверждение о том, что Ильина растратила деньги на свои надобности, находит полное подтверждение в материалах дела.

Свидетельница Марченко в суде показала, что с поступлением на работу Ильина стала приобретать хорошие вещи, что Ильина вела легкомысленный образ жизни, к ней ходило много мужчин.

Таким образом, следует признать, что суд без достаточных оснований признал Шашина участником в рас-

трате Ильиной 8985 руб., а следовательно, и осужден Шашин по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. неправильно.

Вместе с тем из дела видно, что Шашин преступно-халатно относился к своим обязанностям и, в частности, к проверке деятельности подотчетных ему лиц.

Шашин совместно с другими лицами, не производя проверки фак-

тического наличия товаров у Ильиной, доверился последней и 2 января 1950 г. подписал акт, в котором было указано, что у Ильиной недостачи нет, в то время как у Ильиной была растрата и ею был представлен фиктивный список о якобы имеющихся у нее товарах.

При указанных обстоятельствах действия Шашина надлежит квалифицировать по ст. 111 УК РСФСР.

11. КАССАЦИОННАЯ ИНСТАНЦИЯ, ОТМЕНЯЯ ПРИГОВОР, ОБЯЗАНА В СВОЕМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОДРОБНО УКАЗАТЬ НА ТЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА, КОТОРЫЕ ПОСЛУЖИЛИ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ОТМЕНЫ ПРИГОВОРА

Дело Карловых. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 4 октября 1950 г.

По приговору Омского областного суда в числе других осуждены по ст. 59³ УК РСФСР Карлов Евгений и по ст. 17 и ч. 2 ст. 95 УК РСФСР — Карлова Любовь.

Определением Верховного суда РСФСР приговор в отношении Карловой Л. отменен и дело производством прекращено, а в отношении Карлова Е. приговор отменен и дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР на предмет отмены определения Верховного суда РСФСР в отношении Карлова Е. и Карловой Л. и передачи дела на новое кассационное рассмотрение, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Карлов Евгений признан виновным в том, что он состоял в бандитской группе Сороко, Демиденкова и др. и совместно с ними совершил следующие преступления.

В ночь на 6 ноября 1947 г. Карлов, Сороко и Демиденков, вооружившись пистолетом системы «ТТ», ворвались в квартиру Погореловых, проживавших в г. Омске, и, угрожая им расправой, забрали ценные вещи на сумму 35 000 руб. и наличными деньгами 4300 руб. Все награблен-

ное преступники отвезли на автомашине к дому Модякиной Елизаветы, а на второй день с малолетним сыном Модякиной Юрием отвезли награбленное имущество на временное хранение в квартиру Семиной Марии, где 10 ноября 1947 г. это имущество было обнаружено.

В ночь на 7 ноября 1947 г. Карлов совместно с Демиденковым, Сороко, Стефанишиным и др., имея при себе огнестрельное оружие, проникли в квартиру Ткаченко, проживавшего в поселке имени Куйбышева, произвели в квартире несколько выстрелов, нанесли побои Ткаченко и его жене Огачевой, забрали ценные вещи на 78 000 руб., а также наличных денег в сумме 1850 руб. и скрылись.

Карлова Любовь признана виновной в том, что она, являясь сестрой Карлова Евгения, проявила активные действия в том, что своим влиянием добилась того, что свидетели по данному делу Семина Мария и Модякина Елизавета изменили свои показания и дали показания такого содержания, что вина брата Карловой — Карлова Евгения исключалась. В частности, она уговаривала Семину Марию дать показание, что вещи, обнаруженные в ее квартире, куплены ее сестрою, в результате че-

го Семина и дала ложные показания, за что она осуждена по ст. 95 УК РСФСР.

Верховный суд РСФСР приговор отменил и дело в отношении Карлова Евгения направил на доследование по следующим мотивам:

а) суд обосновал обвинение Карлова на показаниях свидетельницы Семиной Ольги, данных ею на предварительном следствии, в судебном же заседании Семина Ольга допрошена не была;

б) не приобщено к делу Карлова дело Сороко, Стефанишина и Андреева, осужденных ранее за это же преступление как соучастники.

Приговор же в отношении Карловой Любви отменен с прекращением дела производством по тем мотивам, что, кроме противоречивых показаний свидетеля Семиной Марии (младшей), доказательств виновности Карловой Л. в деле нет.

Далее Верховный суд РСФСР в своем определении написал, что в отношении Семиной Марии (старшей) и Модякиной Елизаветы обвинительный приговор является обоснованным. Установлено по делу, что они на предварительном следствии давали показания, уличающие Сороко, Карлова Е. и др. в преступной деятельности, а в суде изменили свои показания, стремясь реабилитировать указанных лиц.

Определение Верховного суда РСФСР в отношении Карлова Евгения и Карловой Любви подлежит отмене по следующим основаниям:

Верховный суд РСФСР, отменяя приговор в отношении Карлова Евгения, неправильно указал, что участие его в вооруженном нападении на квартиру Погорелова совместно с Демиденковым и Сороко основано лишь на первоначальных показаниях Семиной Ольги, которая судом не допрошена. У Верховного суда РСФСР не было оснований игнорировать другие доказательства виновности Карлова Е. по этому эпизоду, имеющиеся в материалах дела, которым суд первой инстанции дал соответствующую оценку. Кроме

того, у суда не было возможности допросить Семину Ольгу, так как неизвестно, где она проживает.

На предварительном следствии Модякина Елизавета и Модякин Юрий утверждали, что вечером 6 ноября 1947 г. к ним на квартиру приезжали на легковой автомашине Демиденков, Сороко и Карлов Е., спрашивали адрес «тети Моти» (Семиной Марии) и Модякин Юрий после их сопровождал, как знающий местожительство Семиной Марии («тети Моти»). Это подтвердила в суде свидетельница Зверева.

Трушин Борис (сын Семиной Марии) по приезде Карлова, Демиденкова и Сороко на квартиру Семиной ездил вместе с ними искать свою мать, гостившую у знакомых, а после возвращения изъявил согласие принять на хранение вещи, награбленные Демиденковым, Карловым и Сороко. Это на предварительном следствии подтвердила Семина Ольга — тетка Трушина Бориса, находившаяся в это время в квартире.

Модякина Елизавета, Семина Ольга, Модякин Юрий и Трушин Борис на предварительном следствии в присутствии свидетелей-познанных опознали Карлова, Демиденкова и Сороко как лиц, которые приезжали к ним 6 ноября 1947 г. на автомашине, а Трушин Борис — как лиц, у которых он принимал вещи.

На основании показаний Семиной Ольги, Трушина Бориса, Модякиной Елизаветы и Модякина Юрия в квартире Семиной Марии были изъяты вещи Погореловых и ими опознаны.

Впоследствии Модякины и Трушин Борис неосновательно изменили свои показания.

Отказ Трушина Бориса и Модякина Юрия о ранее данных показаниях не может быть принят во внимание, так как Трушин Борис был допрошен в присутствии его тетки Семиной Ольги и педагога Зверевой, а Модякин Юрий допрашивался в присутствии его отца и прокурора.

Правдивость первоначальных показаний Модякина Юрия подтверждается показаниями свидетеля Модякиной Клавдии, которая утверждает, что 6 ноября 1947 г. вечером к ней приезжали на автомашине какие-то ребята и их сопровождали до квартиры «тетя Мотя» и Модякин Юрий.

Семина Мария показала, что ее сын, Трушин Борис, говорил ей, что вещи к ним на квартиру привез Демиденков с «Женькой» Карловым.

Таким образом, доказательства виновности Карлова в ограблении квартиры Погореловых, которые привел Омский областной суд в своем приговоре, ничем не опровергнуты, и производить дополнительное расследование по этому эпизоду нет оснований, и к тому же Верховный суд РСФСР не указал в определении, что дополнительно нужно исследовать, ограничившись общим указанием, что «Судебная коллегия считает необходимым это обвинение в отношении Карлова более тщательно расследовать и обязательно допросить Семину Ольгу», хотя последние органами следствия допрашивалась неоднократно.

Верховный суд РСФСР также несомненно взял под сомнение факт участия Карлова Евгения в нападении на квартиру Ткаченко.

Потерпевшие Ткаченко и Оточева категорически опознали Карлова Е. как участника ограбления их квартиры. Предварительным следствием и показаниями потерпевших установлено, что грабители приезжали к квартире Ткаченко на автомашине.

Кроме того, суд при рассмотрении 8—10 июня 1948 г. дела по обвинению Стефанишина, Сороко и др., проверяя все обстоятельства, связанные с ограблением квартиры Ткаченко, признал их виновными, и во всех судебных документах имеется указание на Карлова как на активного участника ограбления квартиры Ткаченко, и приобщение к делу Карлова дела Сороко и др. не вызывает никакой необходимости.

При наличии таких данных у Вер-

ховного суда РСФСР не было оснований брать под сомнение факт участия Карлова в ограблении квартиры Ткаченко.

Прекращение дела в отношении Карловой Любови является совершенно неправильным и противоречит имеющимся в деле материалам.

Предварительным и судебным следствием установлено, что под влиянием родственников Карлова свидетели дали в суде ложные показания и двое из них за это осуждены. Главную роль в обработке свидетелей и даче ложных показаний играла сестра Карлова — Карлова Любовь.

Показаниями сестер Семиных установлено, что Карлова Любовь в процессе следствия уговаривала свидетелей, изблещавших ее брата в совершении преступления, отказаться от своих показаний и лично ходила по этому вопросу к Модякиным.

Кроме того, перед рассмотрением дела областным судом в 1948 году Карлова Любовь лично доставила на квартиру Семиной Марии (младшей) повестку о явке ее в суд и просила отказаться от ранее данных показаний и сообщить суду, что вещи, которые были изъяты у нее в квартире, она купила на рынке.

Сама Карлова давала органам следствия и суду ложные показания в той части, что брат ее Карлов Евгений в ночь на 6 ноября 1947 г. находился дома, в то время как это обстоятельство опровергнуто материалами дела.

При таких данных определение Верховного суда РСФСР в отношении Карлова Е. и Карловой Л. нельзя признать обоснованным.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда РСФСР в отношении Карлова Е. и Карловой Л. отменить и дело передать на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегия Верховного суда РСФСР в ином составе судей.

12. ПРИГОВОР ОСТАВЛЕН В СИЛЕ, ТАК КАК ДОВОДЫ, ИЗЛОЖЕННЫЕ В КАССАЦИОННОЙ ЖАЛОБЕ, НЕ КОЛЕБЛЮТ ПРАВИЛЬНОСТИ ВЫНЕСЕННОГО ПРИГОВОРА

*Дело Михлина. Определение Железнодорожной коллегии
от 13 декабря 1950 г.*

По приговору окружного суда железнодорожного транспорта Кавказского округа Михлин был осужден по ч. 1 ст. 146 УК АзССР (халатность) к одному году и шести месяцам лишения свободы.

Михлин признан виновным в том, что он, будучи управляющим Республиканской конторой «Азлесоснаба» при Министерстве коммунального хозяйства Азербайджанской ССР, по своей халатности не обеспечил своевременной выгрузки из вагонов леса на складе ст. Баладжары. В частности, он не организовал круглосуточной работы по разгрузке грузов, допустил обезличку в руководстве этой работой и не принимал мер к освещению места разгрузочных работ. В результате этого в течение июля, августа и семи дней сентября 1950 года на лесоскладе ст. Баладжары имел место непроизводительный простой вагонов в количестве 5072 вагоно-часов.

В кассационной жалобе Михлин просит о смягчении ему наказания, ссылаясь на то, что он 10 октября 1950 г. отдал приказ, возлагающий на заведующего базой Алиева ответственность за непроизводительный простой вагонов, и на то, что им во втором квартале 1950 года было получено согласие Азербайджанского управления «Главлесосбыта» на отпуск электроэнергии для освещения территории лесобазы, но установление электролинии задержалось.

Кассационная жалоба Михлина не может быть удовлетворена, так как изложенные в ней доводы не

соответствуют фактическим обстоятельствам дела. В стадии предварительного и судебного следствия Михлин признал, что он не принял необходимых мер в части организации электроосвещения по всему фронту выгрузки.

Надеясь на проводку электролинии Азербайджанским управлением «Главлесосбыта», с которым он якобы имел договоренность о выделении электроэнергии, он даже не обращался в «Азэнерго», где он мог бы получить нужное количество электроэнергии для освещения территории лесосклада. Из приведенных объяснений Михлина видно, что электроосвещение фронта выгрузки, от которого зависела организация ночных работ, не было установлено на лесоскладе по халатности Михлина.

Не может служить основанием к удовлетворению просьбы Михлина и его ссылка в кассационной жалобе на то, что он с 10 октября 1950 г. возложил ответственность за непроизводительный простой вагонов на заведующего базой Алиева, так как простой вагонов, имевший место после 7 сентября 1950 г., Михлину в вину не ставится.

По изложенным основаниям Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор окружного суда железнодорожного транспорта Кавказского округа в отношении Михлина оставить в силе, а его кассационную жалобу без удовлетворения.

13. НАРУШЕНИЕ СУДОМ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА ЗАЩИТУ

*Дело Шепилова. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 15 ноября 1950 г.*

По приговору народного суда 6-го участка г. Винницы Украинской ССР Шепилов осужден по ч. 2 ст. 104 УК УССР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Винницкого областного суда приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР на предмет отмены приговора и определения и передачи дела на новое судебное рассмотрение, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Шепилов признан виновным в том, что он, работая в 1944—1945 гг. заведующим буфетом, растратил товаро-материальных ценностей и подотчетных денежных сумм всего на 56 873 руб.

Приговор и определение подлежат отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что Шепилов в ходе судебного разбирательства трижды ходатайствовал перед судом об отводе по его делу адвоката, считая его малоопытным юристом. Однако суд просьбу обвиняемого удовлетворил в процессе судебного следствия, но вместо отведенного адвоката другого не назначил.

Таким образом, судебное разбирательство дела было проведено судом без участия защиты при участии в деле прокурора, который выступал по делу в качестве государственного обвинителя.

При таких данных судом допущено грубое нарушение ст. 111 Сталинской Конституции СССР, гарантирующей обвиняемым право на защиту.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор народного суда 6-го участка г. Винницы и определение Судебной коллегии по уголовным делам Винницкого областного суда в отношении Шепилова отменить и дело о нем передать на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

14. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВВИДУ НЕОБОСНОВАННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ, ПРИСВОИВШЕЙ СЕБЕ ФУНКЦИИ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ И СУДА

*Дело Базжина-Новикова и Мезенцева.
Определение Железнодорожной коллегии от 22 ноября 1950 г.*

По приговору линейного суда Закавказской ж. д., оставленному в силе определением окружного суда железнодорожного транспорта Кавказского округа, были оправданы Базжин-Новиков и Мезенцев, преданные суду по ч. 1 ст. 58^{17в} УК Грузинской ССР.

Базжин-Новиков обвинялся в том, что, будучи главным инженером 17-го титула строительства и видя просадку эстакады тоннеля, угрожающую обвалом, не принял мер к прекращению работ и удалению рабочих, в результате чего 27 февраля 1950 г. произошел обвал и землей была засыпана группа рабочих, из которых один погиб.

Мезенцеву было предъявлено обвинение в том, что он, будучи начальником смены 17-го титула строительства, не реагировал на замечания рабочих о происшедшей осадке эстакады, угрожающей обвалом, и

разрешил рабочим продолжать работу.

В основу оправдательного приговора линейный суд положил заключение экспертизы о том, что причиной происшедшего обвала явились тяжелые метеорологические условия зимы 1949—1950 гг., создавшие резкое изменение структуры грунта и избыточное количество воды в грунте, вызвавшее внезапный обвал большого массива земли, — что просадка эстакады имела местный характер и объективных данных об угрожающем положении оползневого обвала не было.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, коллегия нашла, что приговор линейного суда и кассационное определение окружного суда подлежат отмене ввиду неполноты проведенного по делу предварительного следствия.

Заключение экспертизы носит ха-

рактически ничем не подтвержденных рассуждений и не содержит технических обоснований причин происшедшего обвала. В частности, в заключении экспертизы указывается, что показания свидетелей Каменкова и Горбуновой об обрыве грунта вместе с двумя-тремя деревьями не подтверждаются показаниями других свидетелей и поэтому показания Каменкова и Горбуновой являются спорными. Эксперты также заявили, что свидетели будто бы в суде удостоверили отсутствие сигналов со стороны рабочих об опасности обвала.

Таким образом, экспертиза вместо дачи технического заключения о причинах обвала занялась вопросом оценки показаний свидетелей, что не входило в ее обязанности, а входит в компетенцию органов следствия и суда. При этом утверждение экспертизы, относящееся к показаниям свидетелей, не вытекает из

материалов дела, содержащих прямые данные о том, что рабочие, предвидя обвал, предупреждали Базжина-Новикова и Мезенцева о грозящей опасности. Об этом, в частности, показали свидетели Каменков, Горбунова, Перекрестов, Кинжечалиева, Ракитянская и др.

По делу необходимо произвести квалифицированную техническую экспертизу, а также выяснить, что должны были предпринять Базжин-Новиков и Мезенцев, обнаружив накануне обвала осадку эстакады и получив заявления рабочих об угрожающем положении.

Ввиду изложенного Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор линейного суда и кассационное определение окружного суда по делу Базжина-Новикова и Мезенцева отменить, а дело о них передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

15. КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА, НАХОДЯЩАЯСЯ В ПРОТИВОРЕЧИИ С МАТЕРИАЛАМИ ДЕЛА

Дело Усачева и Лавренивой.

Определение Железнодорожной коллегии от 29 ноября 1950 г.

По приговору окружного суда железнодорожного транспорта Центрального округа Усачев был осужден по ч. 2 ст. 117 и Лавренива — по ст. 118 УК РСФСР.

Усачев признан виновным в том, что он, будучи начальником октябрьского отделения Транспортно-экспедиционной конторы, за взятку завизировал Лавренивой шесть железнодорожных накладных на отправку 5 т лука в г. Ленинград.

Лавренива признана виновной в том, что она дала взятку Усачеву за то, что он завизировал ей шесть железнодорожных накладных на отправку 5 т лука в г. Ленинград для продажи на рынке.

Защитник Усачева указал в кассационной жалобе, что при рассмотрении дела окружной суд не принял мер к проверке психического состоя-

ния Усачева, неправильно определил выделить в особое производство дело в отношении привлеченного по настоящему делу Дубова, не допросил свидетеля Швецову, допрос которой необходим для решения вопроса о виновности Усачева, и не обосновал квалификации действий Усачева по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР.

Ввиду этого защитник просит приговор в отношении Усачева отменить и дело по обвинению его направить на новое рассмотрение.

Защитник Лавренивой заявляет, что окружной суд железнодорожного транспорта Центрального округа не принял во внимание то, что в отношении Лавренивой имело место вымогательство взятки.

Ознакомившись с кассационными жалобами и с материалами дела, Железнодорожная коллегия не на-

шла оснований для их удовлетворения.

Ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании Усачев никаких заявлений о его психическом заболевании не делал, и, как видно из материалов дела, ни у органов предварительного следствия, ни у суда не возникло никакого сомнения в полноценности психического состояния Усачева. В жалобе также не приведено никаких обоснованных данных в подтверждение того, что Усачев страдает психическим заболеванием.

Окружной суд определил рассмотреть дело в отношении Дубова отдельно в связи с его болезнью. Свидетель Швецова на предварительном следствии была допрошена. В судебном заседании не допрошена Швецова ввиду выезда ее с постоянного местожительства.

Как видно из протокола судебного заседания, Усачев виновным себя в получении взятки от Лавренивой признал. Виновность Усачева доказана, кроме его личного признания, также показаниями Лавренивой. Таким образом, показания свидетеля Швецовой на предварительном следствии, оглашенные на суде, изобличающие Усачева в получении взятки

от Лавренивой, не вызывают сомнения в их правдоподобности.

Усачев работал начальником октябрьского отделения Транспортно-экспедиционной конторы, и окружной суд правильно квалифицировал его действия по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, так как получение взятки совершено при отягчающих обстоятельствах—при ответственном должностном положении.

Заявление защитника Лавренивой о том, что в отношении Лавренивой имело место вымогательство взятки со стороны Усачева, является необоснованным. Таких данных по делу не добыто, и защитник в подтверждение этого заявления не привел никаких доводов.

Считая обвинение Усачева и Лавренивой доказанным и квалификацию действий Усачева по ч. 2 ст. 117 и Лавренивой по ст. 118 УК РСФСР правильной, а назначенное им наказание соответствующим тяжести совершенного ими преступления, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор окружного суда железнодорожного транспорта Центрального округа по делу Усачева и Лавренивой оставить в силе, а их кассационные жалобы без удовлетворения.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. ИСКИ РАБОТНИКОВ ТОРГОВЛИ ПО ПОВОДУ НЕПРАВИЛЬНОГО УВОЛЬНЕНИЯ С РАБОТЫ, ПРОИЗВЕДЕННОГО ПО ПРЕДЛОЖЕНИЮ ГОСТОРГИНСПЕКЦИИ, ПОДЛЕЖАТ СУДЕБНОМУ РАССМОТРЕНИЮ В ПОРЯДКЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ ПРАВИЛАМИ О ПРИМИРИТЕЛЬНО-ТРЕТЕЙСКОМ И СУДЕБНОМ РАССМОТРЕНИИ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

*Определение по делу № 3611096 по иску Грубого К. Л.
о восстановлении на работе*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 28 октября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда Молдавской ССР от 12 июля 1950 г. по иску Грубого К. Л. о восстановлении на работе и выплате за вынужденный прогул.

Судебная коллегия находит:

Гр-н Грубой работал в качестве рабочего-мясоруба в Управлении рынками г. Кишинева с 1945 года.

Приказом от 5 июня 1950 г. гр-н Грубой был уволен с работы по п. «в» ст. 47 КЗоТ. Увольнение Грубого было произведено по указанию Госторгинспекции.

20 июня 1950 г. народный суд 1-го участка Ленинского района г. Кишинева, рассмотрев дело по иску Грубого к Управлению рынками о восстановлении на работе, решил иск Грубого удовлетворить, обязать ответчика восстановить Грубого К. Л. на работе, оплатив ему за время вынужденного прогула с 16 июня 1950 г. по день восстановления на работе, но не более чем за 20 дней.

Решение об удовлетворении иска было вынесено народным судом в

связи с тем, что выдвинутые Госторгинспекцией обвинения против Грубого не нашли себе подтверждения и были опровергнуты имеющимися в деле показаниями свидетелей и объяснениями в суде представителя ответчика, признавшего иск и характеризовавшего Грубого как добросовестного работника, имевшего ряд благодарностей за свою работу.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Молдавской ССР определением от 12 июля 1950 г. отменила решение народного суда и дело производством прекратила со ссылкой на то, что лица, уволенные по указанию Госторгинспекции, могут обжаловать свое увольнение только в административном порядке.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Верховного суда Молдавской ССР и оставлении в силе решения народного суда подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

В соответствии со ст. ст. 64 и 66 Правил о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов, утвержденных постановлением ЦИК и СНК СССР от

29 августа 1928 г., Грубой имел право оспаривать свое увольнение в судебном порядке.

Приказом Наркомторга СССР от 8 февраля 1943 г. № 60 предусмотрено, что жалобы отдельных лиц о несогласии со взысканиями, наложенными на них по предложению Госторгинспекции, не должны приниматься к рассмотрению Госторгинспекцией и подлежат разрешению в соответствии с Кодексом законов о труде.

Следовательно, определение Верховного суда Молдавской ССР о

прекращении производства по делу является неправильным.

Решение народного суда о восстановлении Грубого в должности вынесено в соответствии с собранными по делу доказательствами.

Исходя из вышеизложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Верховного суда Молдавской ССР от 12 июля 1950 г. и оставить в силе решение народного суда 1-го участка Ленинского района г. Кишинева от 20 июня 1950 г.

2. НЕСОБЛЮДЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ст. 5 ГПК РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИХ СТАТЕЙ ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КОДЕКСОВ ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК МОЖЕТ ПОВЛЕЧЬ ЗА СОБОЙ НЕПРАВИЛЬНОЕ СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ

*Определение № 361161 по иску Сергеева И. И.
к больнице имени Яковенко о восстановлении на работе*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Союза ССР рассмотрела в заседании от 18 ноября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 27 сентября 1949 г. по иску Сергеева Ивана Ивановича к больнице имени Яковенко о восстановлении на работе.

Судебная коллегия находит:

Сергеев работал садоводом в подсобном хозяйстве «Мальвинское» Московской областной психиатрической больницы имени Яковенко.

Приказом от 1 июля 1949 г. Сергеев был уволен с работы по п. «г» ст. 47 КЗоТ.

Народный суд 3-го участка Подольского района Московской области решением от 7 сентября 1949 г. отказал в удовлетворении исковых требований Сергеева, признав его увольнение с работы правильным.

Московский областной суд признал увольнение Сергеева неправильным и определением от 27 сентября 1949 г. решение народного суда отменил и постановил восстановить Сергеева И. И. на работе.

Верховный суд РСФСР 20 декабря 1949 г. отменил определение Московского областного суда и оставил в силе решение народного суда об отказе Сергееву в иске.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия считает, что все состоявшиеся по делу решения и определения подлежат отмене с передачей дела на новое рассмотрение по следующим основаниям:

Сергеев работал садоводом Мальвинского участка в течение 15 лет и ранее никаким дисциплинарным взысканиям не подвергался.

По его утверждению, он уволен с работы за то, что вел борьбу за сохранность сада, сберегая его от расхищения, а врач Мелик Арутюнян организовала против него, Сергеева, группу недовольных и создала нездоровую обстановку, добиваясь его увольнения.

В газете «Московский большевик» 28 января 1949 г. был опубликован фельетон «История одного приказа», в котором отмечалось неправильное увольнение с работы садовода Сергеева.

В Верховный суд СССР из редакции газеты поступили копии отзывают на этот фельетон от работников больницы имени Яковенко, работников Управления подсобными предприятиями Мособлздравотдела и работников Министерства здравоохранения РСФСР с указанием, что увольнение Сергеева с работы произведено неправильно, что компрометирующие его факты созданы искусственно, с целью избавиться от неугодного работника.

Имея в виду, что эти дополнительные материалы не были предметом рассмотрения суда, что в деле имеются противоречивые данные по поводу увольнения Сергеева с работы, следует признать, что дело судом не исследовано с достаточной полнотой и поэтому ни одно из вынесенных по нему решений нельзя признать правильным.

При новом рассмотрении дела суду необходимо вызвать в суд в каче-

стве свидетелей лиц, знающих обстановку, в которой работал Сергеев, его отношение к работе, а также причины его увольнения.

В частности, следует допросить в качестве свидетелей медицинского фельдшера больницы имени Яковенко гр-ку Трухину Е. М., начальника сельхозотдела Министерства здравоохранения РСФСР Лебединского, агронома Управления подсобных предприятий Мособлздравотдела Тунцурова и начальника этого управления Тюрина, а также агронома подсобного хозяйства больницы имени Яковенко Воронцева.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определяет:

Все состоявшиеся по делу решения и определения отменить. Дело для нового рассмотрения передать в Верховный суд РСФСР по первой инстанции с участием прокурора.

3. ТРУДЯЩИЙСЯ С НОРМИРОВАННЫМ РАБОЧИМ ДНЕМ, ВЫПОЛНЯЮЩИЙ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АДМИНИСТРАЦИИ СВЕРХУРОЧНЫЕ РАБОТЫ, ИМЕЕТ ПРАВО НА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ В СООТВЕТСТВИИ СО ст. 60 КОДЕКСА ЗАКОНОВ О ТРУДЕ НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, ВХОДИТ ЛИ ВЫПОЛНЯЕМАЯ ИМ РАБОТА В КРУГ ЕГО ОБЯЗАННОСТЕЙ

Определение по делу № 36/925 по иску Босенко С. С. о взыскании вознаграждения за сверхурочные работы в сумме 543 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 23 сентября 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 2-го участка Железнодорожного района г. Сталинабада от 12 мая 1950 г. и определение Верховного суда Таджикской ССР от 30 июня 1950 г. по иску Босенко С. С. к Сталинабадской областной конторе заготовок Министерства торговли Таджикской ССР о взыскании за сверхурочные работы 543 руб.

Судебная коллегия находит:

Народный суд 2-го участка Железнодорожного района г. Сталинабада решением от 12 мая 1950 г. отказал в иске Босенко С. С. к Сталинабад-

ской областной заготовительной конторе Министерства торговли Таджикской ССР о взыскании 543 руб. вознаграждения за сверхурочную работу.

Сталинабадский областной суд определением от 2 июня 1950 г. решение народного суда отменил и дело передал на новое рассмотрение.

Верховный суд Таджикской ССР, рассмотрев дело в порядке надзора, 30 июня 1950 г. отменил определение областного суда и оставил в силе решение народного суда от 12 мая 1950 г., которым в иске Босенко отказано.

Протест Генерального Прокурора СССР является правильным. Дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

На основании приказа управляющего облгазотконторой от 20 января 1950 г. для работников бухгалтерии была установлена сверхурочная работа.

Исполнение этого приказа истицей Босенко подтверждено выпиской из табеля о работе в сверхурочное время.

Ответчик этого табеля не оспаривал и частично произвел по нему оплату. Босенко является работником с нормированным рабочим днем.

При таком положении истица на основании ст. 60 КЗоТ Таджикской ССР имела право на оплату за все время сверхурочных работ.

Ссылка народного суда на то, что истица выполняла свою непосредственную работу, несостоятельна, так как для оплаты сверхурочных работ не требуется, чтобы трудящийся выполнял работу, не входящую в круг его обязанностей.

В силу изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Все состоявшиеся по данному делу судебные решения и определения отменить. Дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд Железнодорожного района г. Сталинабада в другом составе судей.

4. ЛИЦО, НЕСУЩЕЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТОВАРО-МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ, НЕ МОЖЕТ ОТВЕЧАТЬ ЗА ИХ УTRATУ, ЕСЛИ ЭТА УTRATА ПРОИЗОШЛА ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ, КОТОРЫЕ ОНО НЕ МОГЛО ПРЕДОТВРАТИТЬ

Определение № 36/1104 по иску Бакинского военторга к Арутюнову о взыскании 1994 р. 58 к.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 28 октября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда г. Баку от 17 февраля 1950 г. и определение Верховного суда АзССР от 7 марта 1950 г. по иску Бакинского военторга к Арутюнову А. Н. и к воинской части о взыскании 1994 р. 58 к.

Судебная коллегия находит:

Согласно указанному решению народного суда и определению Верховного суда АзССР с Арутюнова взыскано в пользу Бакинского военторга 2117 р. 26 к. в возмещение ущерба от утраты материальных ценностей, последовавшей в результате аварии автомашины, на которой ответчик, заведующий магазином № 2 при воинской части, перевозил груз.

Решение и определение основаны на том, что не доказан размер ущерба, нанесенный аварией автомашины, и что Арутюнов отправлял товар из вверенной ему торговой точки в г. Баку без соответствующего на то распоряжения.

С доводами, изложенными в решении и определении, нельзя согласиться.

На Арутюнова могла бы быть возложена ответственность за утрату товаро-материальных ценностей, если бы она произошла по его вине. В данном случае суд не установил наличия вины Арутюнова. Указание Верховного суда АзССР на то, что Арутюнов погрузил товаро-материальные ценности самовольно, не подтверждается материалами дела и нуждается в проверке. Арутюнов объяснил, что погрузил товар по указанию сотрудника воинской части Лысенко, совместно с ним сопровождавшего груз и получившего увечье при аварии. Однако это заявление Арутюнова осталось судом не проверенным. Факт аварии машины устанавливается актом и другими документами, имеющимися в деле. Что же касается размера ущерба, принесенного истцу аварией автомашины, то этот вопрос суд надлежащим образом не исследовал.

Для установления размера ущерба от аварии автомашины суду над-

лежит выяснить, какое количество товара и на какую сумму было испорчено и утрачено вследствие аварии автомашины.

Арутюнов не должен возмещать стоимость материальных ценностей, которые были утрачены и испорчены в результате аварии автомашины, так как авария произошла по не зависящим от него обстоятельствам, а принять меры к охране товара после аварии он не мог, так как сам пострадал при аварии и был доставлен в тяжелом состоянии в больницу.

5. НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПО ИСКУ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРАВИЛ О ПРИМИРИТЕЛЬНО-ТРЕТЕЙСКОМ И СУДЕБНОМ РАССМОТРЕНИИ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Определение по делу № 36/971 по иску Ишханова к строительно-монтажной конторе треста «Азнефтемаш» о возмещении вреда

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 23 сентября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда АзССР от 7 марта 1950 г. по иску Ишханова Карлена Егишевича к строительно-монтажной конторе треста «Азнефтемаш» о взыскании за причиненный вред.

Судебная коллегия находит:

Ишханов К. Е. предъявил иск о взыскании со стройконторы «Азнефтемаш» 760 руб. — разницу между его зарплатой и полученной суммой по больничному листу от органов социального страхования.

Народный суд 2-го участка Кишлинского района г. Баку решением от 14 февраля 1950 г. иск Ишханова К. Е. удовлетворил, постановив взыскать в его пользу с ответчика 760 руб.

Верховный суд АзССР определением от 7 марта 1950 г. решение народного суда отменил и дело производством прекратил.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Судебной коллегии по гражданским

При таких обстоятельствах обязанность возместить ущерб, нанесенный аварией, ложится на владельца автомашины — воинскую часть.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР за нарушением ст. ст. 5 и 118 ГПК АзССР определила:

Отменить решение народного суда от 17 февраля 1950 г. и определение Верховного суда АзССР от 7 марта 1950 г. и дело направить на новое рассмотрение в Верховный суд АзССР по первой инстанции с участием прокурора.

делам Верховного суда АзССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Ишханов, работая в стройконторе «Азнефтемаш» в качестве строительного рабочего, 2 декабря 1949 г. упал с лесов, в результате чего получил перелом руки и находился на излечении в течение двух месяцев и двух дней.

По заключению технического инспектора ЦК профсоюза, несчастный случай произошел по вине администрации, которая не обеспечила Ишханова охранительным поясом. Исходя из указанных обстоятельств, народный суд 2-го участка Кишлинского района вынес правильное решение об удовлетворении иска.

Верховный суд АзССР неосновательно отменил указанное решение народного суда и прекратил производство по делу по тем основаниям, что вопрос об оплате истцу 760 руб. разрешался на РКК, где достигнуто соглашение об отказе Ишханову в удовлетворении его требований.

Указанные мотивы нельзя признать правильными.

Настоящий иск, как вытекающий из причинения вреда, подлежал раз-

решению по нормам Гражданского кодекса АзССР, и к применению в этом случае правил о примирительном-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов, утвержденных постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г., нет оснований.

При разрешении этого дела суд должен был руководствоваться ст. 458 ГК АзССР и указаниями, данными в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда», учитывая, что если вред причинен в результате преступного действия или

бездействия страхователя и если при том страхователь не докажет, что он не мог предотвратить вред, потерпевший, поскольку он в порядке социального страхования не получает полного возмещения вреда, имеет право дополнительного требования к нанимателю.

В силу изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда АзССР от 7 марта 1950 г. отменить. Оставить в силе решение народного суда 2-го участка Кишлинского района г. Баку от 14 февраля 1950 г.

6. НЕОБОСНОВАННОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СУДЕБНОГО СПОРА О ПРАВЕ ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ДОМ В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕОБСЛЕДОВАННОСТИ ДЕЛА

Определение по делу № 36/1092 по иску Бонкиной к Щекановой

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 18 ноября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Московского областного суда от 22 февраля 1949 г. и определение Верховного суда РСФСР от 13 апреля 1949 г. по иску Бонкиной А. Г. к Щекановой М. В. о признании права собственности на дом.

Судебная коллегия находит:

Бонкина А. Г. предъявила в суде иск к Бонкину И. И. о разделе дома, ссылаясь на то, что с Бонкиным И. И. она состояла в зарегистрированном браке с 1921 года. Ввиду смерти Бонкина по делу была привлечена Щеканова, с которой Бонкин И. И. совместно проживал в спорном доме.

Московский областной суд, рассматривая это дело по первой инстанции, 22 февраля 1949 г. решил: признать право собственности на дом, оставшийся после смерти Бонкина И. И., за истицей Бонкиной А. Г. и ее детьми, а также по-

становил выселить из указанного дома Щеканову М. В. со всеми с ней проживающими лицами.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 13 апреля 1949 г. решение областного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения областного суда и определения Верховного суда РСФСР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Несмотря на то, что настоящее дело рассматривалось неоднократно, судом в достаточной мере не выяснено, кому принадлежит спорный дом. По этому вопросу в материалах дела имеется много противоречивых данных, с одной стороны, утверждающих, что дом был возведен ныне умершим мужем истицы, а с другой стороны, удостоверяющих, что этот дом принадлежит ответчице Щекановой, которая с 1944 года жила совместно с Бонкиным.

Суд же этих материалов полностью не проверил, ввиду чего и постановленное им решение о признании за истицей права собственности на дом не содержит убедительных доводов. Между тем Щеканова в подтверждение своих возражений представила целый ряд документов, требующих судебной проверки.

Как усматривается из материалов дела, земельный участок под постройку спорного дома был предоставлен Щекановой М. В. В деле имеется ордер за № 842 от 26 июня 1946 г. на вывозку леса для постройки дома, выданный Щекановой М. В., и по ее утверждению, все договоры с плотниками на выполнение плотничьих работ по дому были заключены ею.

Указание в решении суда на то, что Щеканова имела свой собственный дом, который в 1948 году перевела на свою мать, не находит себе подтверждения в материалах дела и опровергается приобщенными к жалобе Щекановой документами. Так, к жалобе приобщен договор от 24 мая 1944 г. на покупку половины дома матерью Щекановой М. В. — Щекановой Ефросинией Самойловой — у гр-ки Серегиной З. И., страховые свидетельства и квитанции

Госстраха на имя Щекановой Е. С. за 1945, 1946, 1947, 1948 и 1949 гг.

При новом рассмотрении этого дела суду надлежит более тщательно проверить все вышеизложенные обстоятельства, и если будет установлено, что истица Бонкина непосредственного участия в строительстве спорного дома не принимала и что этот дом, как построенный совместным трудом и средствами Бонкина И. И. и Щекановой М. В., представляет их общую собственность, то обсудить вопрос о разделе спорного дома в соответствии с требованиями ст. 65 ГК РСФСР между Бонкиным и Щекановой, и право на долю, причитающуюся Бонкину, признать за истицей Бонкиной и ее детьми в порядке ст. 418 ГК РСФСР.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение Московского областного суда от 22 февраля 1949 г. и определение Верховного суда РСФСР от 13 апреля 1949 г. и дело передать на новое рассмотрение в тот же областной суд в ином составе судей с участием прокурора.

7. НЕПРАВИЛЬНЫЙ ОТКАЗ В ИСКЕ ПО МОТИВАМ ПРОПУСКА ИСТЦОМ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Определение по делу № 36/1134 по иску Корчевной к Нераевскому и Корчевному о выделе части имущества

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 4 ноября 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 2-го участка Старо-Константиновского района Каменец-Подольской области от 13 июля 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 4 февраля 1950 г. по иску Корчевной к Нераевскому и Корчевному Михаилу о выделе ей части имущества.

Судебная коллегия находит:

Корчевная в 1938 году приговором суда была осуждена к 5 годам

лишения свободы, и по отбытии меры наказания возвратиться в свое село в связи с военными действиями не могла.

Во время отсутствия Корчевной ее муж Нераевский и сын Корчевный Михаил поделили между собой все хозяйство.

Корчевная возвратилась в село в апреле 1949 года, но ни сын, ни муж не принимают ее в хозяйство и не выделяют ей доли имущества, которое осталось после ее осуждения в хозяйстве и разделено между мужем и сыном. Указывая на эти обстоятельства, Корчевная обрати-

лась в суд с иском к ответчикам о выделе ей части имущества.

Народный суд 2-го участка Старо-Константиновского района Каменец-Подольской области 13 июля 1949 г. в иске Корчевой отказал по мотивам пропуска истицей срока исковой давности и отсутствия из хозяйства в продолжении 11 лет.

Протест Прокурора УССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 4 февраля 1950 г. отклонила.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда УССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Судом не выяснено, расторгнут ли брак между истицей Корчевой и ответчиком Нераевским, ибо если

брак между ними не расторгнут, то срок исковой давности нельзя считать пропущенным.

Кроме того, судом не учтено, что Корчевная, 69-летняя старуха, инвалид 2-й группы, к тому же больная, проживала в своем хозяйстве в течение 40 лет и в настоящее время осталась без крова.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда 2-го участка Старо-Константиновского района Каменец-Подольской области от 13 июля 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 4 февраля 1950 г. и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе судей с участием прокурора.

8. КРУГ ЛИЦ, ПРИВЛЕКАЕМЫХ К НАСЛЕДОВАНИЮ ПО ЗАКОНУ, ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ НА МОМЕНТ СМЕРТИ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ

Определение по делу № 36/1185 по иску Ивановских о разделе наследства

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 29 ноября 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение Тамбовского областного суда от 16 июня 1949 г. и на определение Верховного суда РСФСР от 15 июля 1949 г. по иску Ивановских Михаила и Степаниды к Ивановской Ольге о разделе наследственного дома.

Судебная коллегия находит:

Предметом спора по настоящему делу является дом, принадлежавший умершей матери истцов. Указанный дом находится в пользовании ответчицы, являющейся женой брата истцов, погибшего на фронте Отечественной войны. Вместе с ответчицей в доме проживает ее дочь — внучка наследодателя.

Считая, что ответчица неправомерно владеет всем домом, истцы обратились в суд с иском о выделе им наследственной доли из имущества, оставшегося после смерти матери.

Тамбовский областной суд 16 июня 1949 г. решил взыскать в пользу истцов с ответчицы за наследственную долю в доме денежную компенсацию в сумме 2000 руб.

Верховный суд РСФСР 15 июля 1949 г. указанное решение Тамбовского областного суда оставил в силе.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР считает, что решение областного суда и определение Верховного суда РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям:

К моменту открытия в 1939 году наследства после Ивановской имелось четыре наследника, которые, как присутствовавшие в месте открытия наследства, считаются принявшими наследство. Между тем в решении суд разделил наследственное имущество лишь на трех человек, необоснованно исключив из

числа наследников мужа ответчицы, доля которого ввиду его смерти, последовавшей после открытия наследства, в силу ст. 418 ГК РСФСР должна перейти пережившему супругу и дочери.

Размер определенной истцам денежной компенсации за долю в доме также недостаточно обоснован. Суд в данном случае исходил из стоимости дома на момент рассмотрения дела, без учета при этом утверждений ответчицы о том, что она произвела капитальный ремонт дома, в результате чего повысилась его оценка.

9 В СЛУЧАЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ СДАЧИ СЪЕМЩИКОМ ОТДЕЛЬНОЙ КОМНАТЫ В ЦЕЛЯХ ИЗВЛЕЧЕНИЯ НЕТРУДОВОГО ДОХОДА ИСПОЛЬЗУЕМАЯ В ЭТИХ ЦЕЛЯХ КОМНАТА МОЖЕТ БЫТЬ ИЗЪЯТА У СЪЕМЩИКА

1

Определение по делу № 36/882 по иску Сырцовой к Путилову о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 13 сентября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 3-го участка Дзержинского района Куйбышевской области от 11 сентября 1948 г. и определение Верховного суда РСФСР от 16 февраля 1949 г. по иску Сырцовой М. А. к Путилову М. Е. о выселении.

Судебная коллегия находит:

Сырцова обратилась в суд с иском к Куйбышевскому Горжилуправлению и гр-ну Путилову М. Е. об освобождении комнаты площадью 11 кв. м, изъятой из ее пользования и предоставленной Путилову вместе с другой комнатой размером 14 кв. м.

В своем заявлении истица указала, что она является съемщиком квартиры, состоящей из двух смежных комнат 17 и 11 кв. м и одной изолированной комнаты 14 кв. м, но Горжилуправлением предоставлены Путилову комнаты 14 кв. м и 11 кв. м.

Народный суд 3-го участка Дзержинского района решением 11 сентября 1948 г. выданные Горжилуправлением ордера аннулировал,

Существенными являются доводы ответчицы и в той части, что она в течение многих лет одна и без помощи истцов несла по дому расходы, которые при разрешении настоящего дела суду следовало учесть.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Тамбовского областного суда и определение Верховного суда РСФСР отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же областной суд с участием прокурора.

Путилова М. Е. со всеми членами его семьи переселил в комнату 14 кв. м, а освободившуюся комнату передал в пользование основной съемщицы — Сырцовой.

Куйбышевский областной суд определением от 21 сентября 1948 г. решение народного суда отменил, дело передал на новое рассмотрение, с указанием на необходимость проверки заявления Горжилуправления о том, что обе комнаты заселены с согласия Сырцовой.

Решением народного суда 3-го участка Дзержинского района Куйбышевской области от 7 октября 1948 г. исковые требования Сырцовой были вновь удовлетворены, но это решение определением Куйбышевского областного суда от 21 октября 1948 г. отменено и в иске Сырцовой отказано.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР 16 февраля 1949 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР отменила определение Куйбышевского областного суда от 21 октября 1948 г. и оставила в силе решение народного суда от 7 октября 1948 г. об удовлетворении иска Сырцовой.

По протесту Председателя Верховного суда СССР дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

Верховный суд РСФСР в своем определении, правильно отметив, что Куйбышевский областной суд допустил нарушение ст. 246 ГПК РСФСР, должен был передать дело на новое рассмотрение, так как обстоятельства дела нельзя признать в достаточной мере обследованными.

При рассмотрении дела представитель горжилуправления заявил, что Сырцова две комнаты, занимаемые ею в квартире, сдавала в наем. Выписка из домоводной книги свидетельствует о том, что на площади Сырцовой, начиная с декабря 1937 года по июль месяц 1948 года, проживали в качестве временных жильцов разные лица, причем некоторые из них длительное время; ко времени

вселения Путилова с площади Сырцовой выбыла семья Ивашечкиных, которая проживала в квартире Сырцовой с 1945 по 1948 год.

Указанные обстоятельства имеют существенное значение и должны быть обсуждены судом при разрешении дела, так как в случае систематической сдачи съемщиком комнат в целях извлечения нетрудового дохода, используемая в этих целях жилая площадь может быть изъята у съемщика, хотя бы она и не являлась излишней (п. 9 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.).

В силу изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Все судебные решения и определения по данному делу отменить. Дело передать на новое рассмотрение в Куйбышевский областной суд по первой инстанции.

II

Определение по делу № 36/951 по иску Кировского РЖУ г. Астрахани к Назаровой о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 30 сентября 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на определение Верховного суда РСФСР от 10 марта 1950 г. по иску Кировского райжилуправления г. Астрахани к Назаровой Н. Г. о выселении из квартиры и по встречному иску Назаровой Н. Г. к Вершинину А. А. о выселении из комнаты.

Судебная коллегия находит:

В мае месяце 1948 г. Кировское райжилуправление г. Астрахани предъявило в суде иск о выселении Назаровой из квартиры в доме местного Совета ввиду систематической сдачи жилплощади в поднаем в спекулятивных целях.

В процессе разрешения дела в одну из спорных комнат с согласия Назаровой был вселен гр-н Вершинин с семьей, которому впоследствии на занятую площадь жилуправлением был выдан ордер.

Не признавая предъявленного к

ней иска и считая, что Вершинину ордер выдан незаконно, ответчица Назарова заявила в суде встречные требования о выселении Вершинина.

Решением народного суда 1-го участка Кировского района г. Астрахани от 9 марта 1949 г., которое областной суд оставил в силе, постановлено изъять у Назаровой комнату и передать таковую в распоряжение жилуправления, в иске же Назаровой о выселении Вершинина отказано.

Рассмотрев дело в порядке надзора, Верховный суд РСФСР определением от 10 марта 1950 г. решение народного суда от 9 марта 1949 г. и определение Астраханского областного суда от 30 марта 1949 г. отменил и дело передал на новое рассмотрение.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене указанного выше определения Верховного суда РСФСР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

По делу установлено, что ответчица Назарова, являясь одинокой и занимая в доме местного Совета квартиру из двух смежных комнат, систематически сдавала в поднаем жилплощадь разным лицам, извлекая из этого значительные нетрудовые доходы, ввиду чего народный суд по существу правильно, в соответствии с требованиями п. 9 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г., вынес решение об изъятии из пользования ответчицы одной комнаты, которая к тому же является для нее излишней против нормы.

Указание Верховного суда РСФСР на то, что Назарова при сдаче в поднаем жилплощади обуславливала высокую оплату сдаваемого помещения с учетом оказываемых ею временным жильцам услуг, явно необоснованно, так как опровергается имеющимися по делу доказательствами.

Не опорочивает вынесенного судом решения и то обстоятельство, что к моменту рассмотрения дела находившиеся в пользовании ответчицы две жилых комнаты являлись

смежными, так как из дополнительно приобщенных к протесту Прокурора документов усматривается, что для изолирования указанных комнат требуется лишь незначительная и технически возможная перепланировка квартиры.

Существенным в данном случае является и то, что в настоящее время в комнате, которая по решению суда изъята у Назаровой, проживает семья офицера Советской Армии — гр-на Кирилюк, состоящая из четырех человек. Семья Кирилюк вселена на эту площадь в порядке обмена с ответчиком Вершининым, причем, как и сказано выше, Вершинину спорная комната была в свое время предоставлена с согласия Назаровой.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила: Определением Верховного суда РСФСР от 10 марта 1950 г. отменить, а решение народного суда 1-го участка Кировского района г. Астрахани от 9 марта 1949 г. и определение Астраханского областного суда от 30 марта 1949 г. оставить в силе.

10. ПРИ ВЫНЕСЕНИИ ПО ОСНОВАНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ ст. 32 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦИК И СНК СССР ОТ 17 ОКТЯБРЯ 1937 г., ОБЯЗАННОСТЬ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ДРУГОГО ГОДНОГО ДЛЯ ЖИЛЬЯ ПОМЕЩЕНИЯ ЛЕЖИТ НА ОРГАНЕ, ПРОИЗВОДЯЩЕМ ВЫСЕЛЕНИЕ

Определение № 36/1184 по иску Сельскохозяйственного института имени Берия к Кикачейшвили А. П. о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 25 ноября 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 6-го участка Сталинского района г. Тбилиси от 3 марта 1948 г. и определение Верховного суда Грузинской ССР от 12 октября 1948 г. по иску Сельскохозяйственного института имени Берия к Кикачейшвили А. П. о выселении.

Судебная коллегия находит:

Сельскохозяйственный институт имени Берия предъявил иск к Кикачейшвили о выселении из комнаты размером 32 кв. м, находящейся в

доме истца, по тем мотивам, что ответчик не имеет трудовой связи с институтом и вселился в спорную комнату в 1941 году по ордеру жилищного управления.

Народный суд 6-го участка Сталинского района г. Тбилиси решением от 3 марта 1948 г. удовлетворил иск Сельскохозяйственного института и постановил выселить ответчика Кикачейшвили из спорной комнаты, обязав жилищное управление Тбилисского городского Совета предоставить Кикачейшвили другую жилую площадь.

Верховный суд Грузинской ССР определением от 12 октября 1948 г.

решение народного суда оставил в силе.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене указанного решения и определения подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Удовлетворяя иск Сельскохозяйственного института о выселении ответчика Кикачейшвили по мотивам отсутствия у ответчика трудовой связи с истцом, суд возложил обязанность предоставления ответчику другой жилой площади на Тбилисское жилищное управление.

Между тем согласно ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. обязанность по предоставлению жилой площади в случае выселения по мотивам отсутствия трудовой связи с органом, производящим выселение, лежит на последнем, т. е. в данном случае на истце—Сельскохозяйственном институте имени Берия, но не на жилищном управлении Тбилисского городского Совета, как это решил суд.

Кроме того, в соответствии с п. 32 постановления Пленума Верховного

суда СССР от 12 декабря 1940 г. при выселении с предоставлением другого годного для жилья помещения суд обязан в резолютивной части решения указать помещение, с обозначением улицы, номера дома и квартиры, которое предоставляется выселяемому. Это указание суд также не учел при вынесении решения по данному делу, а Верховный суд Грузинской ССР неправильно оставил в силе решение народного суда, вынесенное с нарушением указанного постановления ЦИК и СНК СССР и постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда от 3 марта 1948 г. и определение Верховного суда Грузинской ССР от 12 октября 1948 г. и направить дело на новое рассмотрение в Верховный суд Грузинской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

11. Ст. 34 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЦИК И СНК РСФСР ОТ 17 ОКТЯБРЯ 1937 Г. НЕ ПОДЛЕЖИТ ПРИМЕНЕНИЮ К ЛИЦАМ, КОТОРЫЕ НЕЗАКОННО БЫЛИ ЛИШЕНЫ ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СВОЕЙ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДЬЮ.

Определение по делу № 361/1068 по иску Сенатаевой и Дюжевой к Тазбину о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 1 октября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда Узбекской ССР от 28 февраля 1950 г. по иску Сенатаевой и Дюжевой к Тазбину о выселении из квартиры.

Судебная коллегия находит:

Сенатаева и Дюжева предъявили в суде иск о выселении Тазбина из квартиры. Свои исковые требования истицы обосновали тем, что в 1946 году гр-н Медведев, пользуясь своим служебным положением, самоуправно занял комнату Дюжевой.

В 1947 году во время отсутствия Сенатаевой, которая на несколько

дней уехала погостить к своему брату, гр-н Медведев пробил стену из занимаемой им комнаты в комнату Сенатаевой и все ее вещи перенес в комнату, где он проживал, а сам занял комнату Сенатаевой. По возвращении Сенатаевой домой Медведев отказался освободить ее комнату, занятую им самоуправно.

16 апреля 1949 г. Медведев, выезжая в другой город на постоянное жительство, передал спорную комнату Тазбину, также самоуправно и без ордера. Поэтому истицы просили суд выселить Тазбина и дать им возможность поселиться в свои квартиры.

Народный суд 1-го участка Ленинского района г. Ташкента

5 августа 1949 г. решил: выселить Сенатаеву из квартиры № 1 и предоставить эту квартиру Дюжевой, выселить Тазбина из квартиры № 10 и эту квартиру предоставить Сенатаевой.

Ташкентский областной суд 21 сентября 1949 г. решение народного суда оставил в силе.

По протесту Председателя Верховного суда Узбекской ССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР определением от 28 февраля 1950 г. отменила решение народного суда и определение областного суда и в иске отказала.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Верховного суда Узбекской ССР и оставлении в силе решения народного суда и определения областного суда подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Отмену решения народного суда и определения областного суда Верховный суд Узбекской ССР мотивировал тем, что истицы пропустили шестимесячный срок давности, предусмотренный ст. 34 Закона от 17 октября 1937 г.

Применение ст. 34 Закона 17 октября 1937 г. допущено Верховным судом Узбекской ССР неправильно, так как истицы сами не оставляли своих квартир, а их квартиры были заняты вследствие незаконных действий Медведева.

Самоуправные действия Медведева, захватившего вначале квартиру Дюжевой, а затем Сенатаевой и впоследствии передавшего квартиру Сенатаевой Тазбину, не могут создавать для последнего право на спорную жилплощадь, поэтому народный суд правильно удовлетворил иск Сенатаевой и Дюжевой, и у Верховного суда Узбекской ССР не было оснований отменять решение народного суда.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Верховного суда Узбекской ССР от 28 февраля 1950 г. и оставить в силе решение народного суда 1-го участка Ленинского района г. Ташкента от 5 августа 1949 г. и определение Ташкентского областного суда от 21 сентября 1949 г.

12. СОГЛАСНО ст. 23 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦИК И СНК СССР ОТ 17 ОКТЯБРЯ 1937 г. ЖИЛИЩНЫЕ ОРГАНЫ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ПРЕДОСТАВЛЯЮТ СВОБОДНЫЕ ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ В ПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАЖДАН ЛИШЬ В ДОМАХ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ

Определение № 36/1179 по иску Паргентенян к Шогирадзе о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Союза ССР рассмотрела в заседании от 25 ноября 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение Народного суда 4-го участка г. Батуми от 29 декабря 1949 г., определение Верховного суда Аджарской АССР от 17 января 1950 г. и определение Верховного суда Грузинской ССР от 16 июня 1950 г. по иску Паргентенян С. Н. к Шогирадзе В. А. о выселении.

Судебная коллегия находит:

Истица Паргентенян предъявила иск к Шогирадзе о выселении из комнаты, находящейся в доме, принадлежащем истице на праве личной собственности, по тем мотивам, что ответчик занял комнату самовольно, без ее разрешения.

Народный суд 4-го участка г. Батуми решением от 29 декабря 1949 г. в иске Паргентенян отказал.

Верховный суд Аджарской АССР определением от 17 января 1950 г.

решение народного суда оставил в силе.

Верховный суд Грузинской ССР протест Прокурора Грузинской ССР оставил без удовлетворения.

Судебная коллегия, соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, считает дело необследованным и подлежащим направлению на новое рассмотрение по следующим основаниям:

Истица указывала, что ответчик занял комнату в принадлежащем ей доме самовольно, без ее разрешения, воспользовавшись ключом, который дал ему выехавший из этой комнаты жилец.

Суд, отказывая в иске, указал в своем решении, что спорная комната занята ответчиком с разрешения жилищного управления местного Совета.

Однако согласно ст. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. жилищное управление местных Советов предоставляет в пользование свободные жилые помещения гражданам лишь в домах ме-

стных Советов, а не в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности.

Таким образом, отказ в иске по тем мотивам, что спорная комната была заселена по распоряжению жилищных органов, является неправильным.

Истица в судебном заседании заявляла, что она дала согласие на временное заселение комнаты. Судом не выяснено, на какой срок истица дала согласие на заселение спорной комнаты, имелось ли ее согласие на вселение ответчика Шогирадзе после того, как комната была освобождена ранее проживавшим в ней жильцом.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить все решения и определения по этому делу и направить это дело на новое рассмотрение в Верховный суд Аджарской АССР по первой инстанции с участием прокурора.

13. НЕПРАВИЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ДЕЛА О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА БЕЗ УЧЕТА УКАЗАНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ОТ 16 СЕНТЯБРЯ 1949 г. «О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА»

*Определение по делу № 36/1168 по иску Черняева
к Рубановой о расторжении брака*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 25 ноября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Запорожского областного суда от 10 апреля 1950 г. и определение Верховного суда УССР от 5 мая 1950 г. по иску Черняева А. П. к Рубановой А. С. о расторжении брака.

Судебная коллегия находит:

Черняев в июне 1948 г. обратился в суд с заявлением о расторжении брака с Рубановой, с которой он состоял в зарегистрированном браке с 1939 года, имея от этого брака ребенка рождения 1941 года.

В своем заявлении Черняев указал, что в браке с Рубановой он

фактически проживал только полтора месяца, остальное время они проживали раздельно.

Курский областной суд решением от 6 сентября 1949 г. удовлетворил иск Черняева о расторжении брака с Рубановой.

По жалобе Рубановой Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 20 декабря 1949 г. отменила решение областного суда от 6 сентября 1948 г. и дело передала на новое рассмотрение.

10 апреля 1950 г. дело вновь было рассмотрено Запорожским областным судом и в иске Черняеву к Рубановой о расторжении брака было отказано. Поскольку в суде выяснилось, что к моменту рассмотрения

дела Черняев состоял уже в другом зарегистрированном браке с гр-кой Араловой, областной суд постановил свидетельство от 12 марта 1949 г. о регистрации брака Черняева с Араловой признать недействительным.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 5 мая 1950 г. решение областного суда в части отказа в иске Черняеву к Рубановой о расторжении брака оставила в силе, а в части признания недействительным свидетельства о регистрации брака между Черняевым с Араловой решение областного суда отменила и дело производством прекратила.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения Запорожского областного суда и определения Верховного суда УССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, после решения Курского областного суда, которым иск Черняева о расторжении брака с Рубановой был удовлетворен, Черняев получил свидетельство о расторжении брака и 12 марта 1949 г. вступил в зареги-

стрированный брак с гр-кой Араловой.

Однако суд, вопреки указаниям, данным в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г., не принял этого во внимание, а также не обсудил вопроса, могут ли стороны возобновить нормальные брачные отношения, фактически уже давно прекратившиеся. Следует отметить, что ответчица Рубанова заявила суду, что после вступления в брак она прожила вместе с истцом всего несколько месяцев, и подтвердила, что в настоящее время истец состоит в другом зарегистрированном браке и от этого брака имеет двух детей. Указанные обстоятельства суд не мог не учесть при разрешении настоящего дела.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение Запорожского областного суда от 10 апреля 1950 г. и определение Верховного суда УССР от 5 мая 1950 г. и дело передать на новое рассмотрение в тот же областной суд в ином составе судей с участием прокурора.

14. НЕПРАВИЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СУДОМ СПОРА МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ О ДЕТЯХ

*Определение по делу № 36/1193 по иску Чагина
о расторжении брака*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 29 ноября 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение Сталинградского областного суда от 6 апреля 1950 г. и на определение Верховного суда РСФСР от 29 мая 1950 г. по иску Чагина к Чагиной о расторжении брака.

Судебная коллегия находит:

6 апреля 1950 г. Сталинградский областной суд удовлетворил иск Чагина о расторжении брака с Чагиной, оставил дочь Тамару, 1939 года рождения, на воспитание истцу, а сына Юрия, 1941 года рождения, постано-

вил передать ответчице. В отношении имущественных претензий ответчицы к истцу областной суд в иске отказал.

По кассационной жалобе ответчицы Верховный суд РСФСР определением от 29 мая 1950 г. решение областного суда об отказе в удовлетворении требований Чагиной об имуществе отменил и дело в этой части передал на новое рассмотрение, а решение в отношении расторжения брака и о передаче по одному ребенку на воспитание каждому из родителей оставил в силе.

Генеральный Прокурор СССР просит об отмене решения област-

ного суда и Верховного суда РСФСР в части передачи сына Юрия на воспитание ответчице, ссылаясь при этом на новые обстоятельства, открывшиеся в процессе исполнения судебного решения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР считает, что суд, разрешая вопрос о передаче одного ребенка ответчице и оставляя другого ребенка у истца, не указав, какими соображениями при этом руководствовался суд, так как решение в этой части ничем не мотивировано.

Из материалов же дела усматривается, что дети сторон все время воспитывались вместе, имеют друг к другу привязанность, ввиду чего их разобщение нецелесообразно и необходимою не вызывается. Исходя из этого, если суд пришел к выводу, что как истец, так и ответчица могут дать детям надлежащее воспитание и что условия воспитания у сторон одинаковые, то, исходя из интересов детей, следовало пере-

дать обоих детей ответчице или же оставить обоих у истца.

При пересмотре дела необходимо подвергнуть судебному исследованию дополнительные материалы, приобретенные Генеральным Прокурором к протесту, из которых усматривается, что как дочь Тамара, так и сын Юрий жить с матерью отказываются и желают проживать с отцом, у которого они воспитывались в течение ряда лет, причем сын Юрий свою мать даже не помнит.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Сталинградского областного суда от 6 апреля 1950 г. и определение Верховного суда РСФСР от 29 мая 1950 г. в отношении передачи ребенка на воспитание ответчице Чагиной и оставлении другого ребенка у истца Чагина отменить и дело в этой части передать на новое рассмотрение в тот же областной суд с участием прокурора.

15. НЕПРАВИЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ДЕЛА ПО ИСКУ МАЧЕХИ К ПАСЫНКУ О ВЗЫСКАНИИ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ

*Определение по делу № 36/1173 по иску Раскиной
к Раскину о взыскании алиментов*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 25 ноября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 3-го участка Ленинского района г. Баку и определение Верховного суда Азербайджанской ССР по иску Раскиной Е. К. к Раскину Н. В. об алиментах.

Судебная коллегия находит:

Народный суд 3-го участка Ленинского района г. Баку, рассмотрев дело по иску Раскиной Е. К. к Раскину Н. В. о взыскании средств на содержание, решил иск Раскиной удовлетворить и взыскивать в ее пользу с Раскина Н. В. по 125 руб. ежемесячно.

Судебная коллегия по граждан-

ским делам Верховного суда Азербайджанской ССР решение народного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения и определения, вынесенных по этому делу, подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что Раскин является пасынком истицы Раскиной.

Согласно п. «б» ст. 49¹ КЗоБСО АзССР пасынки обязаны доставлять содержание нуждающимся нетрудоспособным отчиму или мачехе только в том случае, если они находились на иждивении последних не менее десяти лет.

Суд по данному делу не проверил, находился ли ответчик на содержа-

нии истицы и в течение какого времени.

Из справки сельсовета от 25 ноября 1949 г. видно, что ответчик хотя и является пасынком истицы, но на ее содержании не находился и воспитывался своей бабушкой.

Указанное обстоятельство необходимо проверить при новом рассмотрении дела и только после этого вынести решение по иску.

Одновременно суду надлежит выяснить, есть ли у истицы родные дети, обязанные по закону доставлять ей содержание.

В указанной справке сельсовета значится, что у истицы есть взрослый сын Раскин Матвей, проживаю-

щий в г. Красноярске, а также взрослая дочь, проживающая в с. Холстовка Барановского района Ульяновской области.

Это обстоятельство также надлежит проверить и привлечь детей истицы в качестве соотвечников по настоящему делу.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда 3-го участка Ленинского района г. Баку и определение Верховного суда АзССР по этому делу и направить его на новое рассмотрение в народный суд Барановского района Ульяновской области по месту жительства истицы.

16. НЕПРАВИЛЬНОЕ ОБЛОЖЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМИ ПОСТАВКАМИ КОЛХОЗНИКА ПО НОРМАМ, УСТАНОВЛЕННЫМ ДЛЯ ЕДИНОЛИЧНЫХ ХОЗЯЙСТВ

Определение по делу № 35/1137 о взыскании недоимок по обязательным поставкам с Ковалькова

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 11 ноября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда Чериковского района Могилевской области БССР от 17 апреля 1946 г. по заявлению уполномоченного Наркомата заготовок Союза ССР по Чериковскому району к Ковалькову о взыскании недоимки по поставке сельскохозяйственных продуктов государству.

Судебная коллегия находит:

Решением народного суда Чериковского района Могилевской области от 17 апреля 1946 г. постановлено взыскать с Ковалькова недоимку по поставке сельхозпродуктов государству и штраф за несвоевременное выполнение обязательств, всего 3004 руб.

В кассационном порядке это решение народного суда не обжаловано и приведено в исполнение.

Дело по протесту Председателя Верховного суда СССР подлежит новому рассмотрению по следующим основаниям.

Обязательство по поставке сельскохозяйственных продуктов государству было вручено Ковалькову потому, что он числился единоличником, так как был исключен из колхоза 11 апреля 1945 г.

Однако из представленной в Верховный суд СССР копии решения исполкома Могилевского областного Совета депутатов трудящихся видно, что постановление общего собрания колхозников сельхозартели «Красный Октябрь» и решение исполкома Чериковского райсовета депутатов трудящихся об исключении Ковалькова из членов сельхозартели, как принятые с нарушением Устава сельскохозяйственной артели, были 18 августа 1949 г. отменены и Ковальков восстановлен в члены колхоза.

Следовательно, привлечение Ковалькова к поставкам сельхозпродуктов государству по нормам, установленным для единоличников, следует признать неправильным.

При новом рассмотрении дела суду надлежит установить, в каком размере ответчик как колхозник

должен был выполнять поставки сельхозпродуктов, и в зависимости от этого определить, имела ли место за ответчиком недоимка по поставкам сельхозпродуктов и в каком размере.

Возврат Ковалькову взысканных с него сумм может быть произведен с учетом ст. 3 инструкции Министерства финансов СССР от 14 декабря 1947 г. «О порядке проведе-

ния денежной реформы», т. е. в размере $\frac{1}{10}$ части причитающегося платежа.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда Чериковского района Могилевской области БССР от 17 апреля 1946 г. отменить и дело передать в тот же народный суд для нового рассмотрения.

17. ОТМЕНА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА РЕШЕНИЯ ВСЛЕДСТВИЕ ОБНАРУЖЕНИЯ НОВЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СУЩЕСТВЕННЫХ ДЛЯ ДЕЛА

Определение по делу № 36/1077 по иску Юрель о признании недействительным завещания

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 21 октября 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение Верховного суда Белорусской ССР от 14 июня 1950 г. по иску Юрель Н. В. к Юрель Ю. М. о признании недействительным завещания.

Судебная коллегия находит:

В 1949 году Юрель Н. В. предъявила в суде иск к Юрель Ю. М. о признании недействительным завещания, оставленного 13 июня 1941 г. Юрель В. В. — отцом истицы в пользу Юрель Ю. М. В обоснование иска истица указала, что подпись на завещании, согласно которому дом, принадлежащий Юрель В. В., после смерти последнего должен был перейти к ответчику, не принадлежит завещателю.

Верховный суд БССР по первой инстанции 14 июня 1950 г. решил в иске Юрель Н. В. к Юрель Ю. М. о признании недействительным завещания и свидетельства о праве наследования на дом отказать.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия считает, что решение Верховного суда БССР от 14 июня 1950 г. подлежит отмене по следующим основаниям:

Верховный суд БССР не согласился с выводами экспертизы о том, что подпись на завещании не соответствует подлинной подписи завещателя, мотивировав это несогласие тем, что эксперт принял подпись на профбилете за несомненную подпись Юрель В. В., тогда как подлинность этой подписи вызывает серьезное сомнение.

Однако произведенной по требованию Прокуратуры графической экспертизой, при производстве которой для образца подписей Юрель В. В. были взяты его подписи на требовательных ведомостях, хранящихся в архиве МВД, установлено, что подпись на завещании от 13 июня 1941 г. от имени Юрель В. В. выполнена другим лицом и что на профбилете подпись принадлежит Юрель В. В.

Эти новые данные являются существенными для дела и подлежат судебной проверке.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Верховного суда Белорусской ССР от 14 июня 1950 г. отменить и дело передать в тот же суд для нового рассмотрения с участием прокурора.

18. ИСКИ ТРЕТЬИХ ЛИЦ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИМУЩЕСТВА ИЗ ОПИСИ КАК СПОРЫ О ПРАВЕ ГРАЖДАНСКОМ ПОДЛЕЖАТ СУДЕБНОМУ РАССМОТРЕНИЮ ПО ОБЩИМ ПРАВИЛАМ ГПК

*Определение по делу № 36/705 по иску Петравичене
об исключении имущества из описи*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 8 июля 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 1-го участка г. Паневежис и определение Верховного суда Литовской ССР по иску Петравичене Стефании об исключении из описи имущества.

Судебная коллегия находит.

Гр-ка Петравичене Стефания обратилась в суд с заявлением об исключении имущества из описи, ссылаясь на то, что судебный исполнитель в акт описи включил имущество, принадлежащее ей лично, а не ее дочери, осужденной за растрату, и просила исключить указанные ею вещи из описи.

Народный суд 1-го участка г. Паневежис решил исключить из описи ряд вещей домашнего обихода, а в остальной части иска отказать.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Литовской ССР решение народного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда Литовской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Народный суд неправильно рассмотрел заявление Петравичене как жалобу на действия судебного исполнителя.

Иски третьих лиц об исключении имущества из описи представляют собой спор о праве гражданском и подлежат рассмотрению суда по общим правилам ГПК независимо от того, совершена ли опись имущества во исполнение решения по гражданскому делу или приговора по уголовному делу и произведены ли изъятие и реализация описанного имущества.

Надлежащими ответчиками по искам об исключении имущества из описи является должник, у которого произведена опись имущества, и те организации и лица, по претензиям которых было описано у должника имущество. Если опись произведена в связи с приговором о конфискации имущества, то в качестве ответчика должен быть привлечен финансовый отдел местного Совета депутатов трудящихся, а если имущество реализовано, то и те учреждения или организации, которым передано конфискованное имущество.

Данное же дело рассмотрено без ответчика.

Рассматривая дело по существу, суд не исследовал с достаточной полнотой всех обстоятельств по делу и вынес необоснованное решение, чем нарушил ст. ст. 5, 118, 176 ГПК.

Из материалов дела видно, что истица Петравичене среди прочего имущества просила исключить из описи дом, принадлежащий ей с 1927 года, ссылаясь на то, что дом был приобретен ею в то время, когда ее дочь являлась еще несовершеннолетней и никакого участия в приобретении дома не принимала и поэтому он дочери принадлежать не мог.

Это объяснение истицы подтверждается представленными в суд документами и свидетельскими показаниями.

Между тем народный суд, откаывая в иске Петравичене, мотивировал свое решение тем, что дочь истицы, работая в Госторге, причинила значительный ущерб и что истица все время жила вместе с дочерью. По этим соображениям суд признал, что имущество описано правильно, что вопрос касается

взыскания убытков в пользу государства по делу о растрате.

Соображения суда не могут быть признаны правильными.

Если общее имущество описано в возмещение ущерба от хищения, растраты или присвоения социалистической собственности, суд при рассмотрении иска об исключении такого имущества из описи должен выяснить, когда и при каких обстоятельствах было приобретено данное имущество.

Если будет установлено, что спорное имущество было приобретено на средства, добытые преступным путем, или увеличилось вследствие преступления, то иск об исключении имущества из описи не подлежит удовлетворению в силу постановления ЦИК и СНК СССР от 10 августа 1927 г. «О порядке возмещения ущерба от растрат, присвоения или хищения имущества государствен-

ных учреждений и предприятий, кооперативных и общественных организаций».

При новом рассмотрении этого дела суду надлежит проверить все вышеизложенные обстоятельства и разрешить настоящее дело в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. № 6/5/у «О судебной практике по делам об исключении имущества из описи».

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда 1-го участка г. Паневежис и определение Верховного суда Латвийской ССР и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе судей с участием прокурора.

19. НЕУКАЗАНИЕ В РЕШЕНИИ О РЕЗУЛЬТАТАХ РАССМОТРЕНИЯ СУДОМ ВСТРЕЧНОГО ИСКА ОТВЕТЧИКА К ИСТЦУ СОСТАВЛЯЕТ ГРУБОЕ НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПРОЦЕССА

Определение по делу № 36/1149 по иску Фистул к Семкиной и Новиковой о выселении и по встречному иску Семкиной и Новиковой к Фистул о праве на комнату

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 18 ноября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 3-го участка Киевского района г. Москвы от 20 августа 1948 г., определение Московского городского суда от 8 сентября 1948 г. и определение Верховного суда РСФСР от 11 декабря 1948 г. по иску Фистул к Семкиной и Новиковой о выселении из комнаты и по встречному иску Новиковой и Семкиной о закреплении комнаты.

Судебная коллегия находит:

Фистул обратилась в суд с иском о выселении Семкиной и Новиковой, ссылаясь на то, что она с семьей в четыре человека занимала жилплощадь, состоящую из трех смежных комнат, из коих две светлые размером 11 кв. м и 13 кв. м и одна темная проходная в 7 кв. м.

В запроходной комнате размером 11 кв. м проживают бывшая домашняя работница Семкина и временный жилец Новикова, которых Фистул и просила выселить.

Новикова и Семкина предъявили встречный иск о закреплении за ними комнаты в 11 кв. м.

Райжилотдел Киевского района г. Москвы вступил в дело с самостоятельными исковыми требованиями — о выселении Фистул, как потерявшей право на ранее занимаемую жилплощадь в связи с эвакуацией с заводом на Восток, и о выселении Семкиной и Новиковой — как временных жильцов.

Народный суд 3-го участка Киевского района г. Москвы 20 августа 1948 г. решил иск райжилотдела удовлетворить и выселить Фистул, Семкину и Новикову из дома, райжилотдел обязать предоставить Сем-

киной и Новиковой другую жилую площадь.

Московский городской суд 6 сентября 1948 г. решение народного суда оставил в силе, но исключил из решения возложенное судом на райжилотдел обязательство по предоставлению жилой площади Новиковой и Семкиной.

По протесту Прокурора РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 11 декабря 1948 г. решение народного суда от 20 августа 1948 г. и определение Московского городского суда от 8 сентября 1948 г. в части выселения Фистул отменила и дело в этой части передала на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе судей. В остальной части решение народного суда и определение Московского городского суда оставила в силе.

Решением народного суда 1-го участка Щербаковского района г. Москвы от 29 октября 1949 г. в иске райжилотделу о выселении Фистул отказано.

Московский городской суд определением от 19 ноября 1949 г. это решение народного суда оставил в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда от 20 августа 1948 г., определения Московского городского суда от 8 сентября 1948 г. и определения Верховного суда РСФСР от 11 декабря 1948 г. в части выселения Новиковой и Семкиной и в части их встречного иска о закреплении за ними жилой площади в размере 11 кв. м подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что в спорной комнате Семкина и Новикова проживают с 1939 года. С 1941 по 1944 год всю жилую площадь в квартире оплачивали Семкина и Новикова, которые, таким образом, проявляли заботу о жилой площади и тем самым предотвратили изъятие ее в период эвакуации основного съемщика — Фистул.

19 сентября 1944 г. Фистул пода-ла заявление в райжилотдел об от-

крытии на Семкину и Новикову отдельного лицевого счета, однако этого заявления народный суд не истребовал, хотя Фистул подтвердила, что такое заявление она подавала.

Из писем Фистул и ее сына видно, что они считали необходимым обеспечить Семкину и Новикову жилой площадью, так что подача заявления от 19 сентября 1944 г. не являлась случайной.

Народному суду надлежало также истребовать заключение междведомственной комиссии о возможности изоляции спорной комнаты в 10—11 кв. м и, если эта комната может быть изолирована, обсудить вопрос в соответствии со ст. 27 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., не являлось ли поданное заявление Фистул самоуплотнением.

Помимо этого, суду следует учесть, что право Фистул на ранее занимаемую жилую площадь было признано только за ней одной, а потому приезд ее сына с семьей из г. Ижевска, куда он был эвакуирован с заводом, не может служить основанием для выселения Семкиной и Новиковой, так как сын Фистул и его семья права на спорную жилплощадь утратили в силу постановления СНК СССР от 16 февраля 1942 г.

Народный суд допустил грубое нарушение ст. 176 ГПК РСФСР тем, что не указал в решении о результатах рассмотрения встречного иска Новиковой и Семкиной.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда 3-го участка Киевского района г. Москвы от 20 августа 1948 г., определение Московского городского суда от 8 сентября 1948 г. и определение Верховного суда РСФСР от 11 декабря 1948 г. в части выселения Семкиной и Новиковой и дело в этой части передать на новое рассмотрение в Московский городской суд по первой инстанции с участием прокурора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Руководящее указание Пленума Верховного суда СССР	1
Постановления Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам	3
Определения коллегий Верховного суда СССР по уголовным делам	10
Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР	27

ПОПРАВКА

В журнале «Судебная практика Верховного суда СССР» № 1 на стр. 31 в заголовке к определению по делу № 36/1073 допущена опечатка — напечатано ст. 43 КЗОТ, следует читать ст. 47 КЗОТ.

ЮФ СПбГУ

А. А. ВОЛИН

Издатель: Государственное издательство Юридической литературы, Москва, Таганская ул., Товарищеский пер., 19. Тел. Ж-2-46-67.

А—0811. Сдано в произв. 12/1 1951 г. Подписано к печати 8/II 1951 г.
Уч.-изд. л. 3,96. Бумага 70×108¹/₁₆=1,5 бумажных — 4,11 печат. л.
Зак. 74. Тираж 34 000. Цена 1 р. 50 к.

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.